

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР . № 37

ДН

М 34

Т Р У Д Ы ТАДЖИКСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ АН СССР,
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ АН ТАДЖИКСКОЙ ССР
И ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА

ТОМ II

1948—1950 гг.

Под общей редакцией

А. Ю. ЯКУБОВСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1953 ЛЕНИНГРАД

Б. Я. СТАВИСКИЙ

РАСКОПКИ ЖИЛОГО ЗДАНИЯ НА ШАХРИСТАНЕ ДРЕВНЕГО
ПЯНДЖИКЕНТА В 1950 г.

В полевой сезон 1950 г. Таджикская археологическая экспедиция начала в юго-восточной части городища древнего Пянджикента раскопки нового участка, получившего название объекта V. Здесь, на небольшой площадке, окруженной с запада, юга и востока оплывшим валом городских стен, а с севера — остатками какого-то крупного сооружения, располагался невысокий оплывший холм, овальный в плане, образовавшийся в результате разрушения сравнительно небольшого сооружения. Холм этот до раскопок возвышался над уровнем почвы на 2.0 м, с северо-запада на юго-восток он был вытянут на 30 м, а с юго-запада на северо-восток — на 20 м.

Судя по размерам холма, можно было надеяться найти здесь жилое здание, хотя расположение в непосредственной близости от городских стен наводило на мысль о связи его с оборонительными сооружениями.

Во всяком случае можно было ожидать, что здание объекта V будет отличаться как от зданий храмового типа (объекты I и II), так и от громадного, возможно, дворцового комплекса (объект III), и в силу этого сможет пролить свет на жизнь и быт тех слоев населения древнего Пянджикента, которые ранее оставались вне нашего поля зрения.

В ходе раскопочных работ установлено, что здание объекта V представляло собой сложный комплекс помещений с толстыми стенами из пахсы, надрезанной на крупные блоки. В результате работ 1950 г. здесь

удалось вскрыть 9 помещений (рис. 1 и 2).¹

Северо-западную часть здания занимала изолированная группа из 5 комнат (помещения 1, 2, 3, 5 и 7).² С севера через широкий входной проем (ширина его равнялась 1.4 м) можно было попасть в переднюю комнату — помещение 2. Судя по характеру завала и по незначительным остаткам тротуара, сохранившимся в северо-восточном углу, помещение это было перекрыто куполом, сложенным из крупного сырцового кирпича размером около 50×25×10 см. Перекрытие, видимо, не отличалось прочностью и для укрепления его обитателям здания пришлось в юго-западном углу помещения возвести мощный контрфорс, обнаруженный в ходе раскопок. Стены этого помещения были покрыты толстой глиняной штукатуркой, сохранившейся, однако, лишь небольшими участками. К югу от этой комнаты располагалось вытянутое с запада на восток помещение 3, при раскопках которого удалось выявить остатки рухнувшего сводчатого перекрытия с осью запад—восток. Входной проем в северо-западном углу соединял это помещение с помещением 2.

¹ Работы велись под руководством автора с 9 августа по 23 сентября. В раскопках здания принимали участие О. Г. Большаков, Н. Н. Негматов, Н. С. Трегубова и Ю. О. Цехновицер. Исследование оборонительных сооружений вела К. Г. Рудо.

² Помещения получали нумерацию по мере их вскрытия.

К западу от помещений 2 и 3 располагались два параллельных, вытянутых с севера на юг помещения 1 и 5. В северо-восточном углу помещения 1 имело входной проем, ведущий в помещение 2, а в северо-западном — вход в помещение 5. Через проход в южной стене из помещения 1

плоским сырцовым настилом. На кирпичах сводов помещений 1 и 5 ясно видна тамга в виде прочерченной пальцем дуги или полумесяца.

В зачищенной (северной) части помещения 5 на полу обнаружено большое количество обломков крупных сосудов—

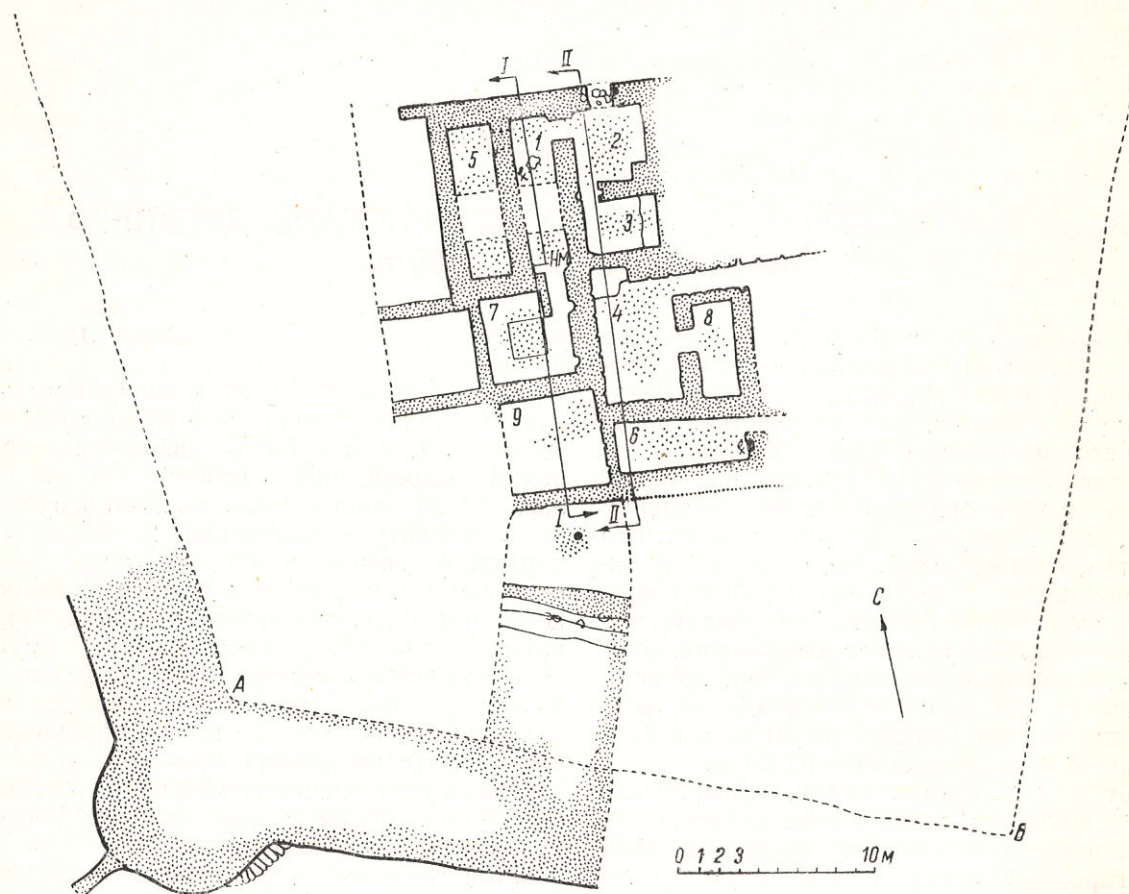

Рис. 1. Объект V. План.

можно было попасть в последнюю комнату этого комплекса — квадратное помещение 7. Помещения 1 и 5 были зачищены лишь в южной и северной частях, центр же их оставлен нераскопанным, благодаря чему на разрезе удалось ясно проследить устройство двух параллельных сводов, перекрывающих эти помещения (рис. 3). Своды эти выводились из крупного кирпича-сырца (размер его $48-50 \times 24-26 \times 8-10$ см) наклонными отрезками. Пазуха между ними заполнялась строительным мусором, обломками сырцовых кирпичей и камнями, а сверху и своды и пазуха перекрывались

хумов и остатки органических веществ. В западной стене помещения 1 вскрыт небольшой очаг с полусферическим верхом и завалившимся дымоходом, ведущим вглубь кладок стены. Рядом с очагом лежал крупный камень, очевидно игравший роль своеобразного «кухонного» стола.

Особый интерес представляет квадратное в плане помещение 7, вход в которое был оформлен в виде особой камеры (как это имело место в помещении 13 объекта III). Вдоль всех стен этого помещения тянулись суфы, а в восточной стене имелись две ниши. Возле одной из них обна-

ружены остатки рельефного бордюра, а на поверхности стены между нишами сохранились небольшие участки красной росписи по белой гипсовой подгрунтовке. Все остальные стены покрывала толстая глиняная штукатурка (рис. 4).

Завал в помещении 7 состоял из лёсса разной плотности с небольшим количеством обломков сырцовых кирпичей, судя по чему помещение это имело, видимо, плоское перекрытие.

Восточнее помещения 7 и южнее помещения 3 располагался небольшой дворик — помещение 4 — с сырцовым возвышением в виде скамейки (в северо-западном углу). Юго-восточное двора было раскрыто прямоугольное помещение 8 с проемом в западной стене. Помещение было заполнено лёссовым завалом и в древности, видимо, имело плоское перекрытие. Севернее помещения 8 тянулся узкий (шириной в 1.1 м) проход, ведущий из помещения 4 (дворик) наружу. В восточной части прохода в стенах его на уровне пола были обнаружены две довольно большие ниши ($37 \times 42 \times 35$ см и $30 \times 32 \times 25$ см). Между нишами на полу имелись остатки дерева. В период жизни здания здесь, очевидно, был деревянный порог массивной двери или ворот. На полу прохода и помещения 4 лежал толстый слой навоза и органических остатков.

Южнее дворика и помещения 8 раскрыто вытянутое с запада на восток помещение 6 с остатками сводчатого перекрытия с осью запад — восток, сложенного из кирпича-сырца размером около $50 \times 25 \times 10$ см, с тамгой в виде дуги или полумесяца. Вход в помещение № 6 располагался в северо-восточном углу, в восточной его стене, и помещение это было, таким образом, изолировано от всех остальных раскрытых нами комнат. В юго-восточном углу помещения обнаружены остатки крупного очага, а на полу найдено большое число обломков законченной кухонной посуды, кости животных и ручные жернова.

В юго-западном углу здания были начаты раскопки помещения 9, характер которого, однако, окончательно вы-

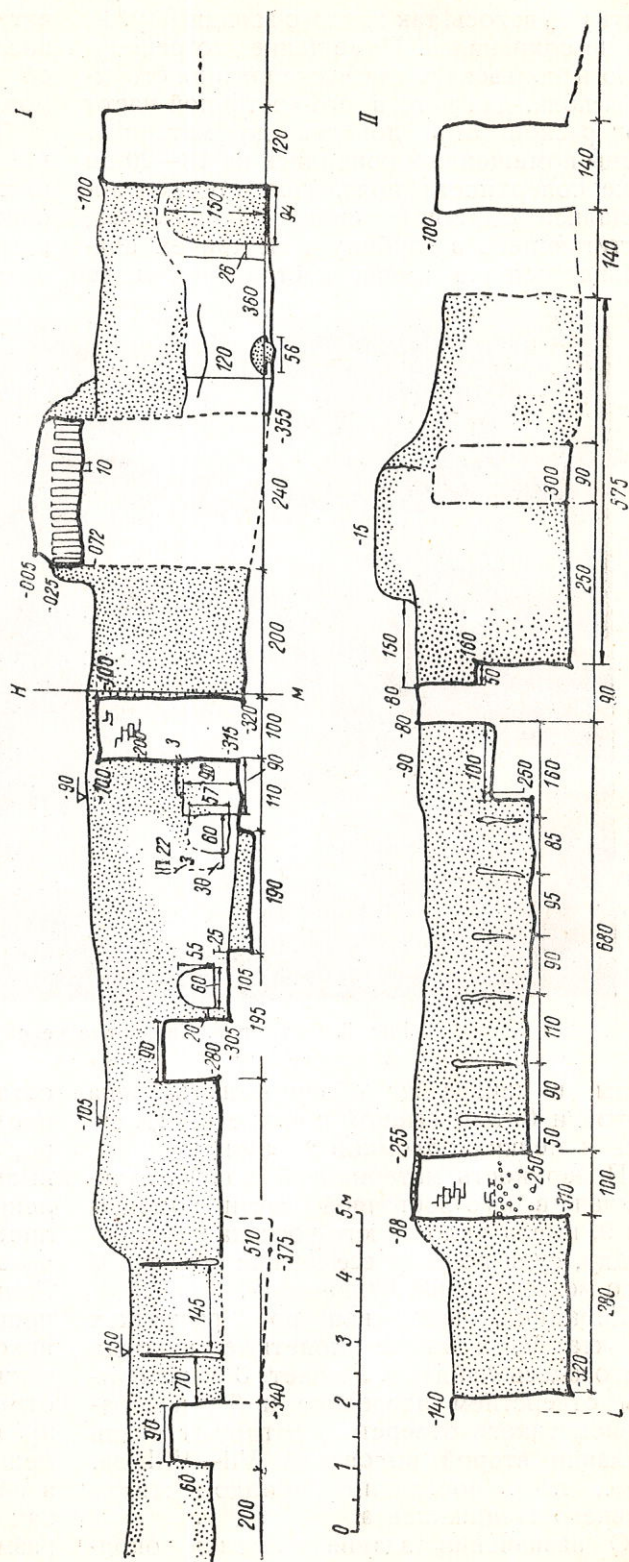

Рис. 2. Объект V. Разрезы.

явить не удалось, так как юго-западный угол его не сохранился. Помещение это решено было использовать для исследования структуры пола, для чего в юго-восточной части его раскоп был доведен до материка. Стены помещения 9 кончились на 15—20 см ниже поверхности пола. Под стенами помещались сырцовые кладки фундамента, достигающего в глубину 1 м, причем правильная кладка имела место лишь возле

чательно можно будет говорить лишь после завершения раскопок, однако судить об использовании некоторых помещений можно уже и сейчас.

Так, помещение 7, являясь уменьшенной скромной копией парадных зал крупных объектов III и VI, играло, видимо, для обитателей этого здания роль парадной комнаты. Помещение 5, где найдено большое число обломков хумов и органические

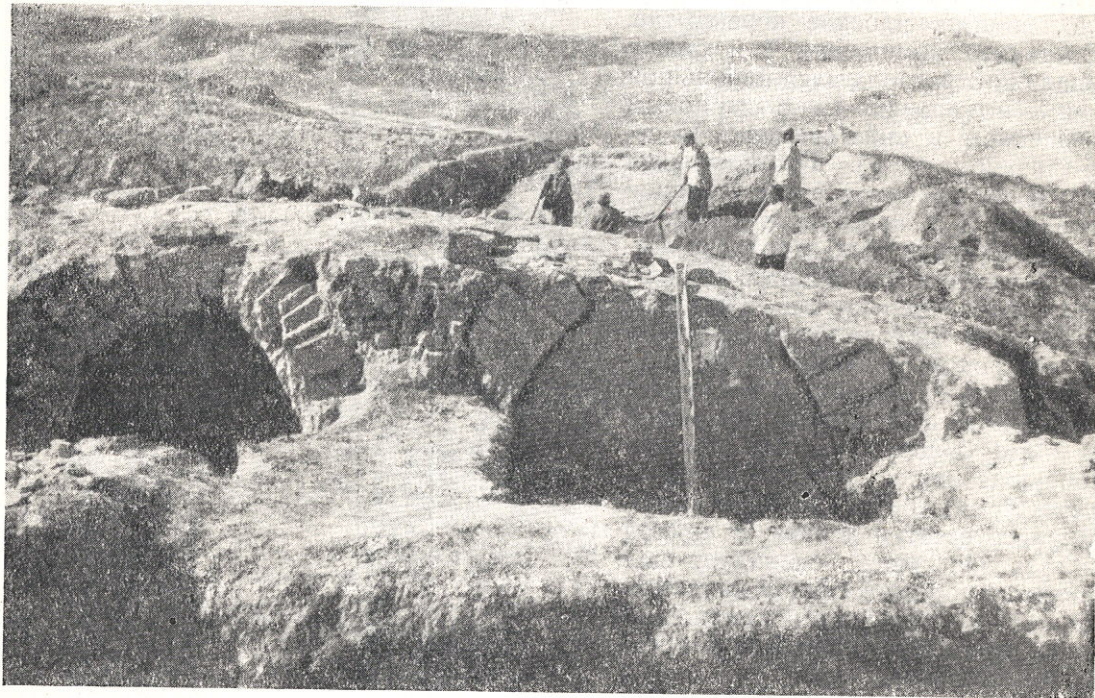

Рис. 3. Объект V. Сводчатые перекрытия помещений 1 и 5.

стены, в центре же обнаружена забивка глиной и битым сырцом с примесью галечника и мелких обломков керамики.

Поверхность материковой почвы, зачищенная в юго-восточной части помещения 9, имела уклон с юго-востока к северо-западу, судя по чему все здание объекта V было возведено на фундаменте.

Керамика, найденная при раскопках объекта V, а также монетные находки (всего здесь найдено 9 монет: 3 с квадратным отверстием посредине и 6 с изображением такого отверстия) датируют жизнь в здании второй половиной VII—VIII вв. н. э., т. е. последним периодом жизни древнего Пянджикента.

О назначении здания в целом окон-

остатки, служило, возможно, для хранения продовольствия. Помещение 1, через которое можно было попасть в упомянутые выше комнаты, служило и для приготовления или подогревания небольшого количества пищи, для чего предназначался небольшой очаг в западной стене. Роль же кухни, где в основном готовилась пища, исполняло помещение 6. Судя по находкам жерновов, в этом помещении также перемалывалось зерно. Интересно отметить изолированное положение этого предназначенного для черной работы помещения и тот факт, что большой очаг в нем был лишен дымохода, в то время как в помещении 1 очаг гораздо меньших размеров был старательно вделан в стену

и снабжен, возможно, выводным отверстием. Невольно напрашивается вопрос, не свидетельствует ли это о резком членении дома на чистую, хозяйскую часть и изолированные от нее служебные помещения, предназначенные для «черной» работы, в которой хозяева участия не принимали.

раскопок угловая, округлой, несколько вытянутой формы башня, сложена была из пахсы с примесью большого числа галек. Внешняя поверхность стены была зачищена на протяжении более 35 м. На этом участке удалось установить, что пахса надрезалась на крупные блоки, а в одном месте обна-

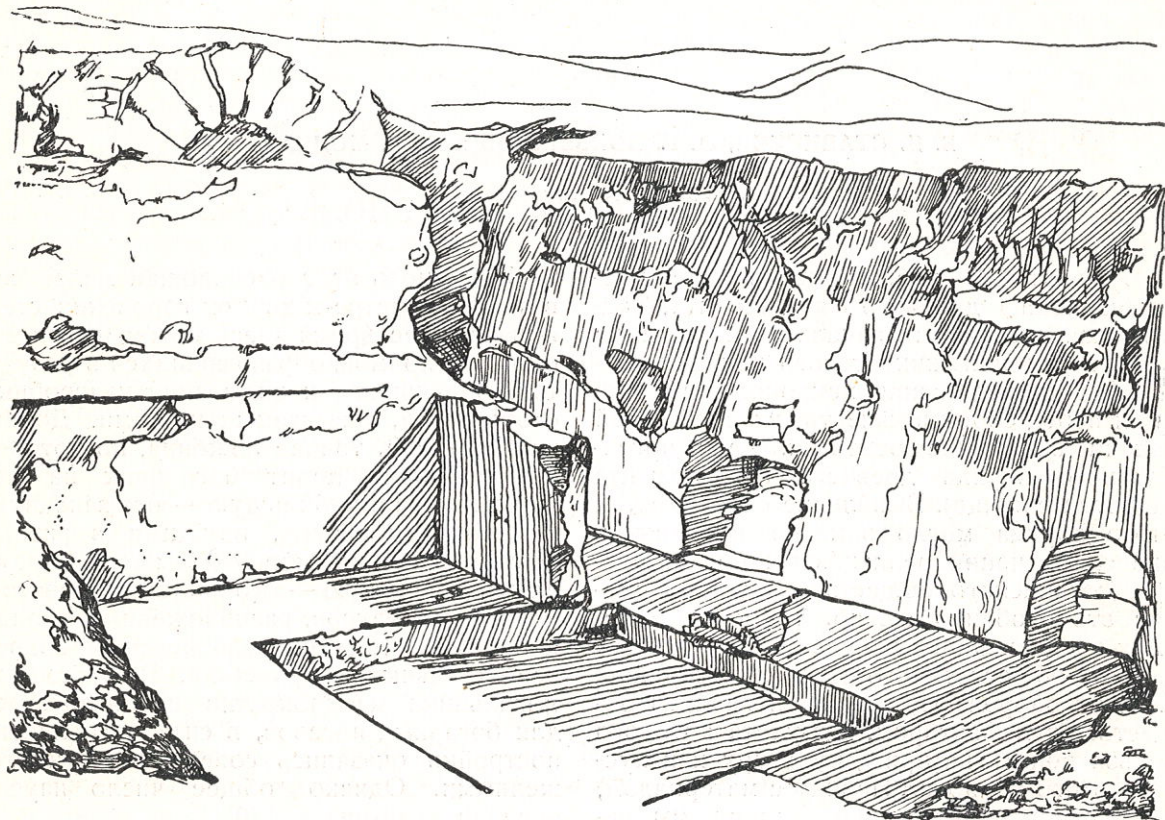

Рис. 4. Объект V. Помещение 7.

Назначение ряда помещений пока еще не ясно, но есть все основания надеяться, что после завершения раскопок здания общий характер дома будет установлен. Это позволит судить о социальном положении и занятии его обитателей.

Кроме раскопок здания, в юго-восточной части пянджикентского городища было начато изучение оборонительных сооружений. Так, южнее помещений 6 и 9 раскрит участок, включающий остатки городской стены (рис. 1). С внутренней стороны (от здания) на стену вели широкие ступени. Толщина стены вместе с лестницей достигала 17 м, высота же ее была не менее 6 м. Стена, равно как и оконуренная во время

ружены и следы ремонта стены сырцовыми кирпичами.

Изучение стен было продолжено в восточной части городища, северо-восточнее объекта V, где обнаружены узкий, идущий вдоль внутренней поверхности восточной стены города коридорообразный проход и расположенное западнее его помещение с обожженной штукатуркой. Благодаря этому раскопу можно, видимо, утверждать, что широкие лестницы вели на стену лишь в наиболее ответственных участках. Характер же прохода и помещения, вскрытого здесь, выяснить в полевой сезон 1950 г. из-за недостатка времени не удалось.

Б. Я. СТАВИСКИЙ, О. Г. БОЛЬШАКОВ и Е. А. МОНЧАДСКАЯ

ПЯНДЖИКЕНТСКИЙ НЕКРОПОЛЬ¹

Развертывая работы по всестороннему изучению древнего Пянджикента, Таджикская экспедиция начала раскопки и на территории пянджикентского некрополя.

При исследовании некрополя мы ставили перед собой в качестве главной своей задачи выявление основных черт погребального обряда древнего Пянджикента (и Согда вообще). Выявление особенностей этого обряда могло заметно продвинуть вперед изучение религиозных представлений согдийского общества. В данном случае это особенно важно, так как в условиях средневековья религия была основной формой общественного сознания и служила мощной опорой феодализма и важным общественным фактором, без учета которого нельзя понять историю, культуру и искусство этого периода.² Наряду с материалом, освещающим погребальный обряд, мы надеялись получить также некоторые новые данные по архитектуре, строительной технике и материальной культуре древнего Пянджикента.

Работы на территории некрополя были начаты в 1948 г. и продолжались два последующих полевых сезона.³

¹ Ср. предварительную информацию о раскопках в «Сообщениях Тадж. ФАН СССР» (в. XIX, Сталинабад, 1949, стр. 38—40), а также статью: Б. Я. Ставиский. К вопросу об идеологии домусульманского Согда. Сообщения Респ. ист.-краев. музея Тадж. ССР, вып. 1, Сталинабад, 1952, стр. 35—58. В настоящей работе описания наусов и находок 1948 и 1949 гг. составлены Б. Я. Стависким и О. Г. Большаковым, описания наусов и находок 1950 г. Е. А. Мончадской, остальной текст написан Б. Я. Стависким.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 656 и 674, 675.

³ В работах, которые велись с 15 августа по

Некрополь этот расположен менее чем в полукилометре к югу от городских стен. В настоящее время здесь можно насчитать около 70 холмов, образовавшихся в результате разрушения и оплывания надгробных сооружений, называемых наусами. Дорога на Кош-Тепе, точнее ложбина, по которой она проходит, делит могильник на две неравные части: большую — юго-западную, с цепочками наусов, идущими в разных направлениях по склону и вышележащему плато, и меньшую — юго-восточную, состоящую из 12 наусов, расположенных в одну цепочку, и десятка разбросанных вокруг нее отдельных сооружений. Вся площадь могильника неоднократно использовалась для богарных посевов, в силу чего многие постройки оказались совершенно уничтоженными. Однако общее число наусов вряд ли превышало 150.

Раскопки велись следующим образом: до начала раскопок через каждый объект проводились крест-накрест бровки в направлении север—юг и запад—восток. Объект таким образом делился на 4 сектора, которые получали нумерацию римскими цифрами по часовой стрелке, при-

9 сентября 1948 г., со 2 по 16 августа 1949 г. и со 2 по 26 августа 1950 г., принимали участие О. Г. Большаков (1948—1949 гг.), П. П. Бондаренко (1950 г.), М. А. Бубнова (1950 г.), М. П. Винокурова (1949 г.), И. И. Девятова (1950 г.), Р. Б. Дабкина (1949 г.), А. Г. Лундин (1949 г.), Е. А. Мончадская (1949—1950 гг.), К. Г. Рудо (1950 г.) и Б. Я. Ставиский (1948—1950 гг.). В 1948—1949 гг. раскопками некрополя руководил Б. Я. Ставиский. В 1950 г. со 2 по 8 августа работы велись под руководством Б. Я. Ставиского, а с 9 по 26 августа — Е. А. Мончадской. В 1948 г. общее руководство раскопками осуществлял А. И. Тереножкин.

чем за первый принимался северо-западный сектор. В одном из секторов возле пересечения бровок закладывался раскоп; при углублении на достаточную глубину, раскоп расширялся до обнаружения внутренней поверхности одной из стен науса, после чего выявление стен помещения и дальнейшее послойное углубление уже не представляли каких-либо трудностей. Внешние поверхности стен, как правило, выявлялись после очистки от завала входного проема.

Уже после вскрытия науса 1 стало ясно, что помещение располагалось обычно в секторе IV холма, образованного в результате разрушения науса, оплывания и заноса его остатков, т. е. остатки сооружения оказывались как бы сдвинутыми к юго-западу от естественного центра холма. Поэтому исследование впредь и начиналось с юго-западного (IV) сектора.

Опыт показал также, что хотя на большую высоту сохранялись северные стены, легче всего распознавалась внутренняя поверхность южных стен; понятно, что раскоп расширялся именно в южном направлении.

В результате работ 1948—1950 гг. удалось вскрыть остатки 29 наусов¹ и одного связанного с погребальным обрядом сооружения, назначение которого достаточно определенно выявить еще не удалось (сооружение это первоначально было принято нами за наус, в силу чего оно и получило обозначение «наус 2»)².

Наус 1 (рис. 1, 1) располагался к югу от вытянутой в северо-восточном направлении цепочки наусов в юго-восточной части могильника. До раскопок он имел вид холма высотой в 1.8 м и диаметром около 8 м. В результате раскопок вскрылось его внутреннее помещение и были зачищены снаружи восточная, северная и западная стены. Внутреннее помещение науса по форме приближается к квадрату (размеры см. в табл. 2 на стр. 96); в восточной стене, в 75 см от юго-восточного угла, находился входной проем, перекрытый сводом из кирпича-сырца; вдоль остальных трех стен шли суфы, высотой в 22 см, между которыми оставался проход длиной в 1.5 м, шириной в 1 м, сужавшийся до 0.8 м.

В проходе на поверхности пола в беспорядке валялись костные останки человека, в том числе 3 черепные коробки (одна из них детская), части позвоночника, лежавшие в анатомическом порядке, а также фрагменты оссуариев, их крышек, обожженных плиток и керамических сосудов. Кости (в том числе еще один череп) и фрагменты оссуариев, главным образом нижних их частей, найдены были и на поверхности суф. На восточной суфе найден крупный фрагмент керамической плитки (34×23×4 см).

Северная часть входного проема была заложена двумя рядами сырцового кирпича, остальная часть его была заполнена камнями, которые, кроме того, беспорядочно валялись у прохода как внутри, так и снаружи науса. В стенах проема, в полуметре от внутренней поверхности восточной стены имелись две нишки.

Все помещение было завалено остатками свода из кирпича-сырца, комками пахсы и мелкими камнями. В завале постоянно встречались кости и фрагменты оссуариев, их крышек и керамических сосудов. Основная масса их скопилась в северо-западном углу помещения, где находки обнаруживались сразу же под слоем дерна. Наус сложен из пахсы.

Наус 3 (рис. 1, 3) располагался метрах в 15 на восток от науса № 1, в виде холма высотой в 1.5 м и около 7 м в диаметре. Внутреннее помещение имеет форму неправильного квадрата площадью менее 4 м², стены его до высоты 74 см от пола сложены из пахсы, а выше — из кирпича. На восточной стене кладка образует выступ, нависая над пахсой на 2—3 см, этот выступ служил, очевидно, пятой свода. Входной проем помещался в южной стене, сводчатое перекрытие его не сохранилось, пята лежит на высоте 60 см от пола. В стенках проема помещались две нишки высотой в 20 см, находившиеся в 40 см от внутренней поверхности южной стены. Вдоль трех стен расположены суфы из кирпича-сырца, высотой в 26 см.

Находки в наусе немногочисленны. Фрагменты оссуариев и керамики находились как внутри науса, так и вне его. У восточной стены в 20 см над суфой была найдена половинка медной согдийской монеты с квадратным отверстием, а на западной суфе — обломок бараньей челюсти с че-

¹ Наусы 1,3—6 вскрыты в 1948 г., наусы 7—15 — в 1949 г., наусы 16—30 — в 1950 г.

² Вскрыто в 1948 г.

тырьмя зубами. Наус заполняли остатки рухнувшего свода и лёсс.

Наус 4 (рис. 1, 4) находился в 10 м западнее науса 1. Внутреннее помещение в плане приближается к квадрату, сложен наус из кирпича-сырца. В восточной стене

шек, фрагментами сосудов и керамических плиток. Здесь же найдено несколько бараньих костей. Человеческие кости, в том числе еще один череп, и фрагменты оссуариев найдены и на поверхности суф. Скопление фрагментов керамики и оссуариев,

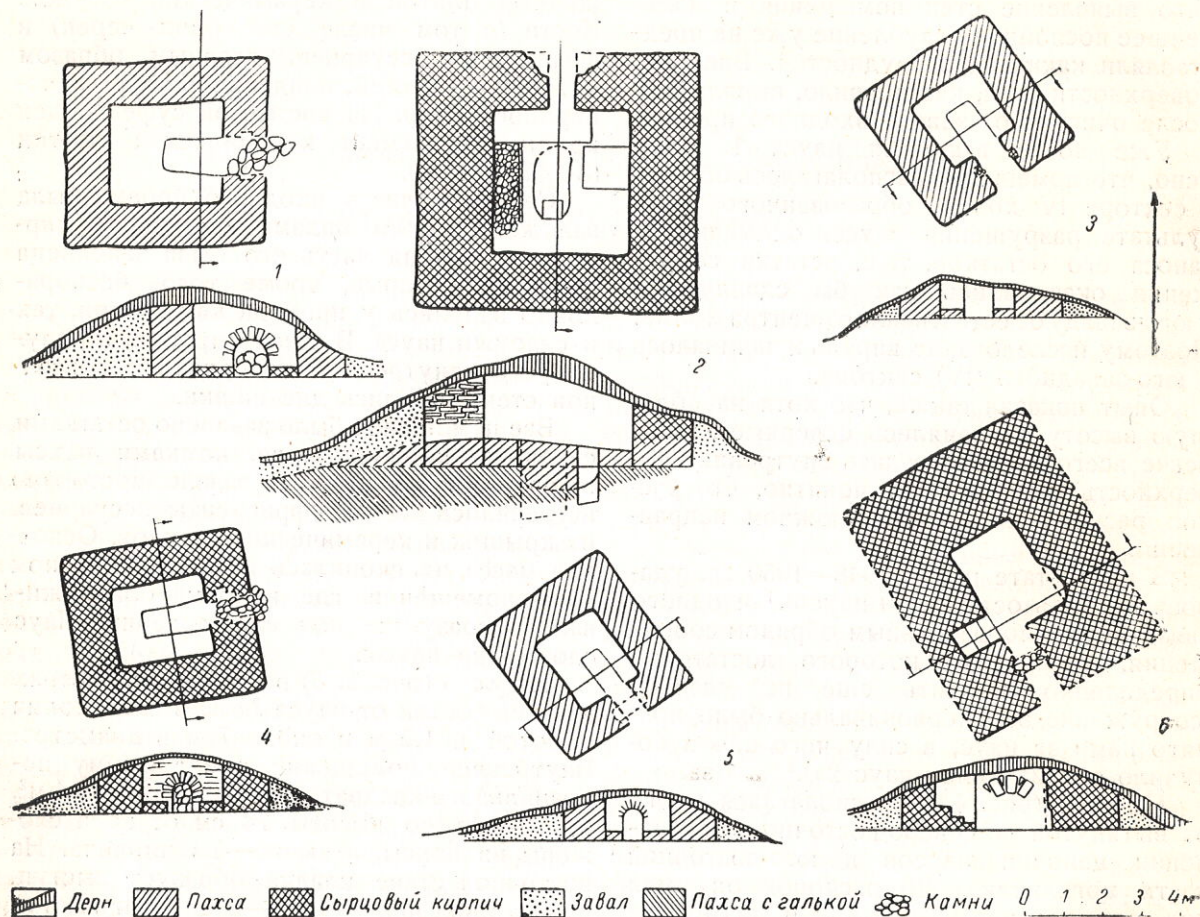

Рис. 1. Планы и разрезы погребальных сооружений, вскрытых в 1948 г. (наусы 1, 3—6 и так называемый «наус 2»).

помещался входной проем с сохранившимся сводчатым перекрытием; в стенах проема, в 67—70 см от внутренней поверхности восточной стены, имелись две нишки. Северная стена проема разрушена и заполнена камнями. Вдоль трех стен помещения тянутся суфы высотой 22 см, сложенные из кирпича-сырца. Проход между ними был завален костями человека (в том числе 2 черепа и лежащие в анатомическом порядке с сохранением связок части позвоночника), фрагментами оссуариев, их кры-

а также костей было обнаружено в завале в северо-восточной части помещения, где находки начинались сразу же под дерном.

Входной проем изнутри был заполнен рыхлым лёссом, а снаружи завален камнями, один из которых весил около 70 кг. Камни наполняли также и нишки, на полу между нишками лежал кусочек сгнившего дерева длиной 20 см и толщиной 1 см.

Наус 5 (рис. 1, 5) находился в 50 м к югу от науса 1. Помещение его приближается по форме к квадрату. Стены сло-

жены из пахсы. В южной стене, в 92 см от юго-западного угла помещения, раскрыт входной проем, перекрытый сводом; в стенках проема, в 48 см от внутренней поверхности южной стены, помещались две нишки, между которыми в полу шла канавка глубиной около 5 см и шириной 30 см. Вдоль трех стен идут суфы; как и в предыдущих наусах, на них обнаружены фрагменты оссуариев, череп и мелкие обломки костей человека. Фрагменты оссуариев и керамики встречены также во входном проеме и возле него вне науса. Проем был заполнен рыхлым лёссом с мелкими камнями.

Завал внутри науса состоял из остатков обрушившегося свода и гальки. Находки в завале почти совершенно отсутствовали.

Наус 6 (рис. 1, б) располагался в юго-западной части могильника, к западу от дороги на Кош-Тепе, к югу от наусов, вскрытых В. Р. Чейлытко. Внутреннее помещение прямоугольное в плане и вытянуто с северо-запада на юго-восток. Стены науса были сложены из кирпича-сырца, в южной части северо-восточная стена изнутри сильно размыта (на уровне пола). В юго-восточной стене, в южном углу помещения, располагался входной проем, перекрытый сводом из кирпича-сырца. В 74 см от внутренней поверхности юго-восточной стены находились две нишки; между ними в неглубокой канавке, шедшей поперек прохода, лежали булыжники. С внешней стороны проход был заложен пахсой.

В этом наусе в отличие от предыдущих не было ни одной суфы. Зато в юго-западной стене, в самом углу, около входа в наус, была расположена трехступенчатая ниша шириной 67 см и глубиной 1.12 м (первая ступень высотой 20 см и глубиной 42 см, вторая соответственно 25 и 32 см и третья 26 и 38 см). На третьей ступени лежал череп, а на второй и первой ступенях и на полу близ ниши лежали крупные фрагменты одного оссуария с орнаментом, нанесенным штампом.

На поверхности пола лежал сплошной слой костей, фрагментов керамики и обожженных и необожженных оссуариев. В нем были найдены 2 черепных коробки и две медные согдийские монеты с квадратным отверстием. Выше этого слоя лежал завал свода. Удалось выявить сохранившиеся впритирку к северо-западной стене остатки

полуциркульного свода, перекрывавшего наус; он был сложен из кирпича-сырца размером $46 \times 24 \times 10$ см и сырцовых же стандартных клиньев длиной 30 см при ширине основания 15 см. На кирпичах отчетливо видна тамга в виде прочерченного пальцем полукруга.

На северо-восточной стене на высоте 1.2 м от пола находился 10-сантиметровый выступ.

В северном углу на стене обнаружено сплошное скопление фрагментов керамики и костей. В том же углу помещения в завале постоянно встречались керамические фрагменты и, реже, костные остатки. В завале, заполняющем остальные части помещения, находки почти отсутствуют.

Наус 7 (рис. 2, 7) располагался метрах в 40 на запад от предыдущего. Он имеет вид прямоугольника, вытянутого с северо-запада на юго-восток. Наус сложен из кирпича-сырца, причем на юго-западной стене кирпичная кладка выступает над пахсой на 15 см, толщина кирпичной стенки 45 см; этот кирпичный каркас был обложен слоем пахсы.

Входной проем находился в южном углу помещения, так что юго-западная стена одновременно является стеной прохода. В восточном углу промежуток от прохода до северо-восточной стены занимает двухступенчатое возвышение из кирпича-сырца; ступени имеют площадь 45×22 см (каждая) и высоту 18 см (первая) и 12 см (вторая).

На полу помещения лежал слой (5—7 см) рыхлого лёсса, над которым по всей площади были разбросаны обломки глиняных сосудов и трех оссуариев, а также полустлевающие кости человека (в том числе 2 черепные коробки). В западном углу в завале были найдены кости и фрагменты керамики.

Проем был заложен пахсой с включением крупных камней. Снаружи от юго-западной стены в юго-восточном направлении отходила плохо сохранившаяся кладка.

Наус 8 (рис. 2, 8) расположен в 15 м северо-восточнее науса 7. Помещение науса, сложенное из кирпича-сырца, в плане близко к прямоугольнику; в южном углу, в юго-восточной стене, помещался входной проем. Северо-восточнее проема возвышается двухступенчатое возвышение длиной 54 см, первая ступень достигает высоты 24 см при

ширине 26 см, вторая соответственно 18 и 19 см. Вдоль северо-восточной и северо-западной стен тянутся суфы высотой 22 см и шириной 75 см (северо-восточная) и 70 см (северо-западная).

Внутренние поверхности стен науса покрыты глиняной обмазкой. Сохранность стен снаружи очень плохая, и проследить их удается лишь на высоте 15—30 см от основания. Суфы сложены небрежно, обмазка испорчена, и поверхность их пред-

Наус 9 (рис. 2, 9) находился в 5 м северо-восточнее предыдущего. Наус представляет собой прямоугольное в плане помещение со стенами из кирпича-сырца. На высоте 90 см от пола кладка юго-западной стены науса выступает на 5 см, образуя, вероятно, пятую свода перекрытия.

В центре юго-восточной стены располагался входной проем, в нем на уровне пола помещались одна напротив другой две нишки, которые были выложены мел-

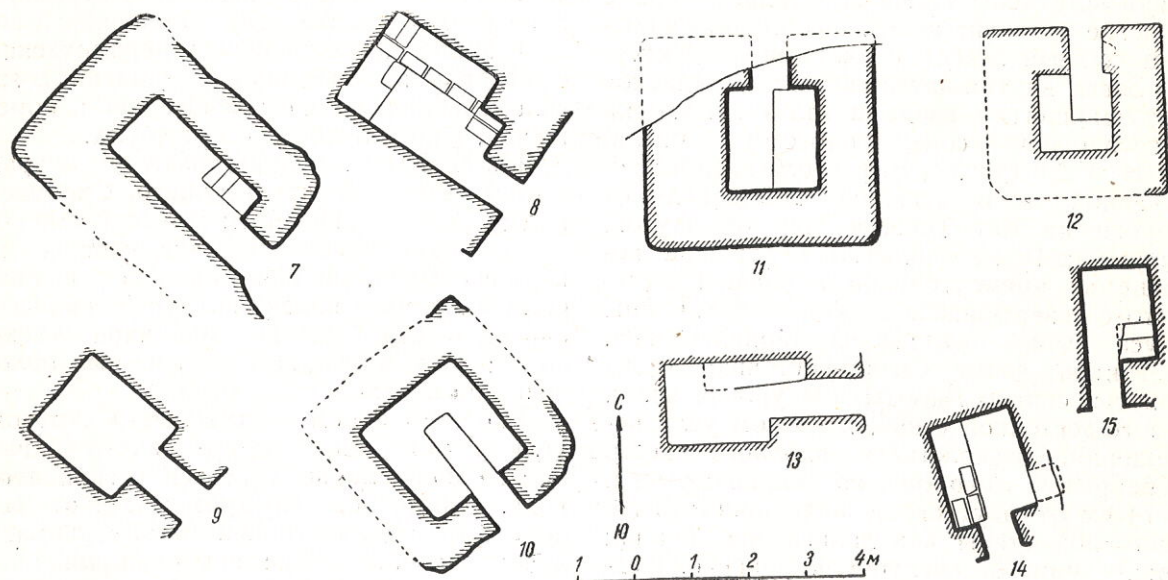

Рис. 2. Планы наусов 7—15, вскрытых в 1949 г.

ставляет резкий контраст с прекрасно сохранившейся поверхностью пола. На полу науса над тонким слоем натека беспорядочно валялись костные остатки, обломки оссуариев и керамических сосудов. Здесь же найдены два больших и несколько мелких камней. Из костных находок следует отметить обломки двух черепных коробок. Такие же находки (но в меньшем количестве) были на суфах (здесь найдены остатки еще одного черепа). На ступенчатом возвышении найдены обожженные плитки и обломки сосудов.

Завал в помещении состоял из лёсса и остатков рухнувшего свода. В завале находки встречаются только в северо-западной части помещения (здесь были обнаружены остатки еще одной черепной крышки). Проем был заложен пахсой с камнями.

ками камешками. В полу от одной нишки к другой шла ямка шириной 15—20 см и глубиной 3—5 см.

Завал в помещении состоял из лёсса и обломков кирпича-сырца. На поверхности пола и в завале (в северном углу помещения) найдены костные остатки, обломки керамики и оссуариев. Среди костных остатков следует отметить 2 черепных коробки (одна развалилась при зачистке) и обломки 4 нижних челюстей.

Наус 10 (рис. 2, 10) — самый восточный в цепочке из трех наусов (8, 9, 10). Это почти квадратное в плане помещение, стены которого сложены из кирпича-сырца. В центре юго-восточной стены — входной проем; поверхность пола в проходе на 24 см выше поверхности пола науса. Вдоль северо-восточной, северо-западной и юго-западной стен тянутся суфы из кирпича-

сырца. Ширина суф: северо-восточной и северо-западной — 65 см, юго-западной — 80 см; между суфами проход шириной 55 см и длиной 1.35 м. В проходе не было ни одной находки. На суфах найдено несколько оссуариев плохого обжига, два обломка дна сосуда, череп, нижняя челюсть и несколько обломков костей.

Завал в помещении состоял из развалившегося кирпича-сырца с примесью гальки; проем был заполнен рыхлым лёссом. Находки (обломки оссуариев и сосудов и мелкие костные остатки) имели место лишь в дерновом слое и вне науса при зачистке его юго-восточной стены. У входа в наус вскрылось зольное пятно диаметром 60 см; рядом найдено несколько больших камней.

Наус № 11 (рис. 2, 11) располагался в 8 м севернее науса 8, на краю плато. Наус сложен из кирпича-сырца, в плане представляет собой вытянутое с севера на юг прямоугольное помещение. Вдоль восточной стены тянулась суфа. В северной стене помещался входной проем.

На полу помещения лежал 8—10-сантиметровый слой илистого натёка с большим количеством костных остатков, среди них — 2 черепа. В этом же слое найдена медная согдийская монета с квадратным отверстием. Выше лежал полуметровый слой завала из кирпича-сырца, не содержащий никаких находок. Над ним в рыхлом лёссовом слое попадались мелкие кости и обломки оссуариев, как обожженных, так и плохо обожженных.

Входной проем был заложен кирпичом-сырцом.

Наус 12 (рис. 2, 12) помещался к северу от предыдущей группы наусов. Это почти квадратное сооружение с пахсовыми стенками. В северной стене, ближе к восточной, помещался входной проем, в проеме слева (если встать лицом к наусу) находилась ниша неправильной формы, заполненная лёссом и мелкими камешками.

Вдоль западной и южной стен расположены суфы в виде буквы «Г», сложенные из кирпича-сырца. На их поверхности были найдены 4 черепа, 4 медные согдийские монеты с квадратным отверстием и бронзовое кольцо, а также обломки 2 оссуариев и 2 глиняных сосудов. Обломки этих же оссуариев и сосудов встречены на полу помещения, где находилось также большое

число костей, в том числе еще 2 черепа.

Находки на полу и на суфах лежали в слое лёсса, содержащем камни размером от куриного яйца до кулака. Этот слой лёсса был перекрыт завалом обрушившегося полуциркульного свода. Поверх свода в северной части науса лежали кости и обломки тех же оссуариев и сосудов, которые были найдены внутри науса. Три обломка этих же сосудов найдены вне науса, у восточной стены.

Вход в наус был забит пахсой.

Наус 13 (рис. 2, 13) располагался сразу же к северо-востоку от науса 12. Это вытянутое с запада на восток помещение, стены которого сложены из пахсы. Входной проем помещался в восточной стене, он был заполнен камнями и кладками кирпича-сырца.

Вдоль северной стены тянулась суфа из кирпича-сырца. Вся поверхность пола была покрыта слоем костей и обломков керамики: здесь найдены 7 черепов, 9 нижних челюстей, обломки 3 оссуариев, обожженная плитка-подставка, плохо обожженная плиточная оссуарная крышка и глиняный сосуд. Слой этот был особенно насыщен в западной части помещения. В меньшем количестве встречались находки на суфе; среди них особенно следует отметить медную монету без отверстия.

Оссуарные обломки и небольшие костные остатки встречены были в северной части помещения и поверх завала кирпича-сырца, заполняющего наус. Среди них особый интерес представляют обломки богато орнаментированной лицевой стенки оссуария и оссуарный налп с изображением головы фантастического чудовища, здесь же были найдены еще 2 нижние челюсти человека.

Наус № 14 (рис. 2, 14) находился северо-восточнее предыдущего. Это прямоугольное в плане помещение, стены которого сложены из кирпича-сырца. Кладка западной стены на высоте 65 см от пола образует выступ в 4 см, вдоль этой же стены тянулась суфа высотой 22 см, сложенная из кирпича-сырца.

В юго-восточном углу помещения, в восточной стене, на высоте 22 см сохранились остатки ниши шириной 70 см, прослеженные на протяжении полуметра (далее идет дерновый слой восточного склона холма).

В нише обнаружены 2 обожженные плитки размером 40×23 см и обломки глиняного сосуда. Основная масса находок располагалась в полном беспорядке на полу. Здесь обнаружены обломки 3 оссуариев (один почти необожженный), 2 плиточных оссуарных крышек и 4 сосудов, обломок железного браслета (?) и костные остатки (в том числе череп). Еще 1 череп и небольшое число обломков оссуариев лежали на суфе.

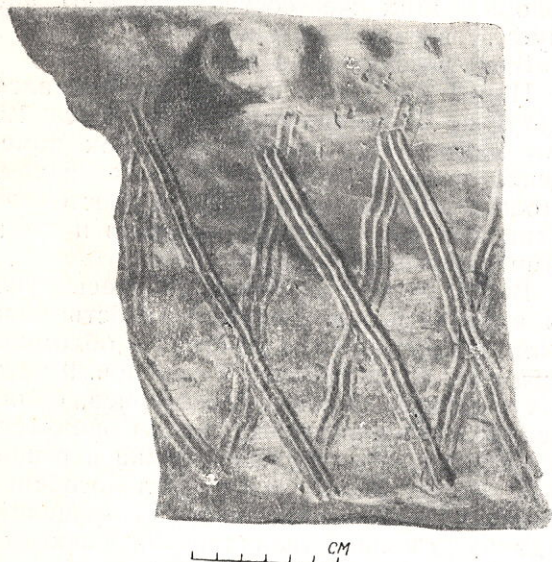

Рис. 3. Фрагмент стенки оссуария из науса 16.

Поверх мягкого лёссового слоя, содержавшего все эти находки, лежал завал из кирпича-сырца. Находок в завале не было. Входной проем в южной стене был плотно заложен кирпичом заподлицо с южной стеной.

Наус 15 (рис. 2, 15) был расположен в двух десятках метров южнее науса 4. Сложен он из кирпича-сырца, внутреннее помещение представляет собой в плане прямоугольник. В южной стене — входной проем. Вдоль восточной стены расположено двухступенчатое возвышение из кирпича-сырца. Высота первой ступени 12 см, ширина 25 см, высота второй — 28 см, ширина 35 см.

На полу найдены обломки глиняного сосуда, 3 куса черепной крышки. В завале кирпича-сырца и над ним в дерновом слое никаких находок не зарегистрировано. Входной проем науса был плотно забит пахсой.

Наус 16 расположен в юго-восточной части могильника, в 5 м севернее науса 1.

Наус сложен из пахсы до высоты 75 см от пола, выше начинается кирпичная кладка. В восточной стене находился дверной проем, перекрытый сводом из наклонно уложенных сырцовых кирпичей.

В стенах дверного проема были расположены две нишки. Суфы шли вдоль трех стен науса. Ширина северной 0.82 м, южной — 0.86 м, западной — 0.9 м. Суфа по краям выложена двумя рядами сырцовых кирпичей, пространство между кладкой и стеной забито пахсой. При разборке пола было обнаружено, что кладка стен кончается сразу же под поверхностью пола, ниже шел материковый лёсс с редкими вкраплениями гальки.

Дверной проем изнутри на 85 см был заполнен рыхлым лёссом с булыжниками, затем шла забивка из пахсы и камней. Внутри помещения был рыхлый лёссовый завал, с включением обломков кирпича-сырца. Особенно много обломков кирпича было найдено в центре науса и у дверного проема. Из числа находок в завале следует отметить обломки оссуария, орнаментированного со всех сторон ромбической сеткой из тройных прочерченных линий; на передней стенке сверху имеется налеп в виде человеческой головы, очень примитивно сделанный (рис. 3). Длина этого оссуария 58 см, ширина 26 см, высота 21 см, толщина стенок 1.8—2 см. Оссуарий прямоугольный, с закругленными углами. Все фрагменты оссуария были найдены среди обломков кирпичей, на глубине 0.7 м. Среди других находок интересны: обломок венчика глиняного сосуда, покрытого красным ангобом, закраина его утолщена, орнамент волнистый, прочерченный; ручки глиняного сосуда; ручка от крышки оссуария. В лёссовом заполнении дернового проема, на полу, найдено 5 обломков глиняного закопченного горшка. Правая ниша в дверном проеме была заполнена булыжником, возле ниш найдены остатки сгнившего дерева. В завале дверного проема обнаружены также кости человека (в том числе бедренные кости и нижняя челюсть). В отвале земли при ее переборке найдена небольшая красная пастовая бусина цилиндрической формы.

Наус 17 (рис. 4) находится на 1 м севернее предыдущего. В плане он представляет собой прямоугольник, вытянутый с востока на запад.

В восточной стене, на расстоянии 0.3 м от северо-восточного угла, расположен дверной проем, перекрытый сводом из наклонно

наус 18 расположен на 1 м севернее науса 17 (рис. 4 и 6). Внутреннее помещение его почти квадратно в плане.

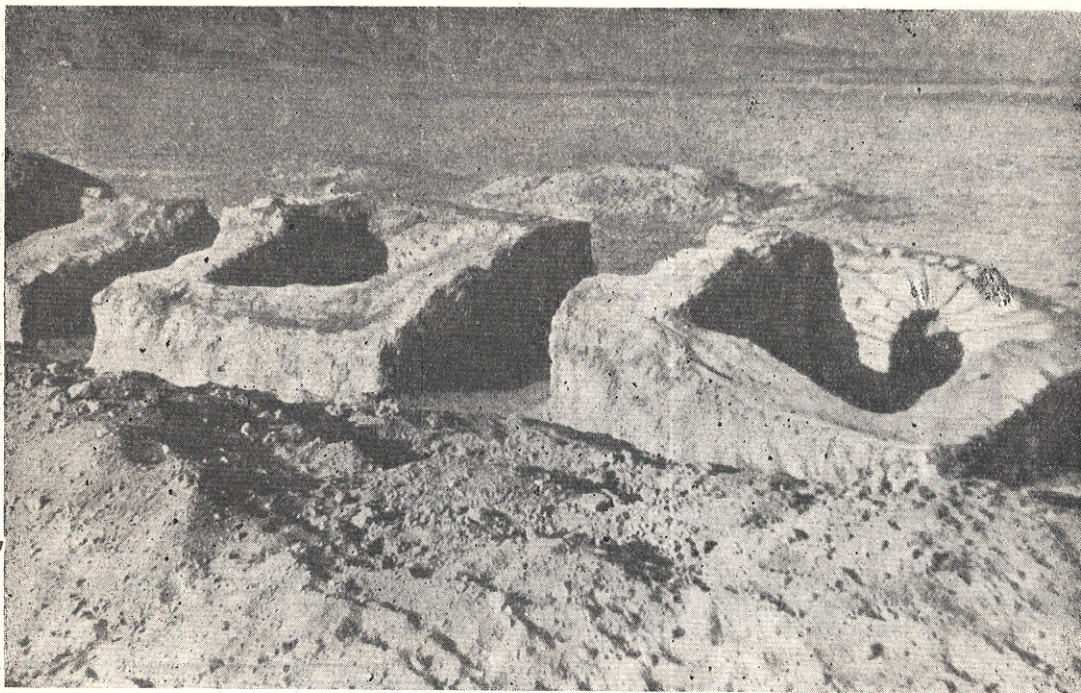

Рис. 4. Наусы 17—19 (справа налево). Вид с западной стороны.

уложенных сырцовых кирпичей. В стенках дверного проема находятся две нишки.

Вдоль западной и южной стен тянутся две суфы, первая шириной 0.86 м, вторая — 0.76 м, сложенные из двух рядов кирпича-сырца.

Помещение было заполнено лёссовым завалом с обломками кирпича-сырца. В завале найдены берцовые кости человека, 2 черепа, ребра, позвонки, обломки нескольких нижних челюстей. Вместе с обломками костей человека повсеместно находились обломки оссуариев, среди них фрагменты слабо обожженного оссуария, обломки рельефного налпа из бледнорозовой глины со светлым ангобом, орнаментированный ямками и елочкой. На глубине 1.6 м найдены хвостовые позвонки животного (?).

В кладке южной суфы обнаружены обломки глиняной чаши с красным ангобом и следами лощения (диаметр чаши 14.5 см, диаметр поддона 5 см, высота 6 см) (рис. 5).

Стены на высоту до 74 см сложены из пахсы, выше — из кирпича-сырца.

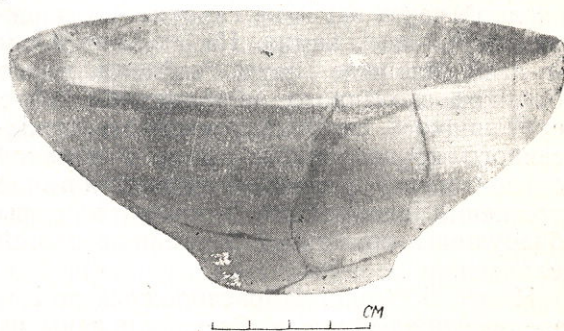

Рис. 5. Чаша из науса 17.

В восточной стене, на расстоянии 0.74 м от северо-восточного угла, находился дверной проем, перекрытый сводом из наклонно уложенных кирпичей. Завал в дверном проеме рыхлый, лёссовый. Вход в наус

был заложен камнями, лежавшими полукругом. В стенках прохода помещались 4 нишки, по 2 (одна над другой) с каждой стороны, причем верхние находились в 60—66 см от пола.

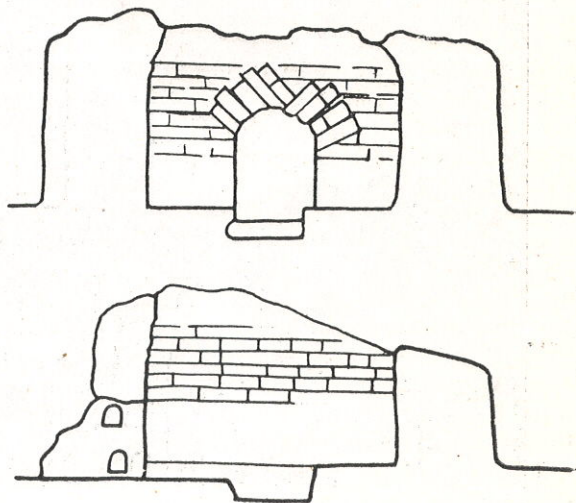
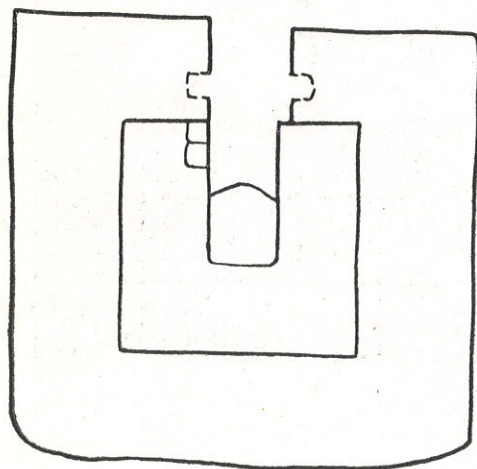
Вдоль трех стен расположены суфы высотой 12 см, шириной северная—0.74 м, западная—0.72 м, южная—0.62 м.

Наус был перекрыт коробовым сводом, остатки которого сохранились у верха северной и южной стен. Завал внутри науса

шек и множество различных костей человека (в том числе нижняя челюсть с зубами).

Перед дверным проемом на полу помещения найдено много больших камней, которые лежали также и в самом проеме на полу; все остальное пространство проема заполнено рыхлым лёссом.

На суфе у южной стены найдена часть орнаментированного оссуария с костями человека.

0 50 100 см

Рис. 6. План и разрез науса 18.

был рыхлый, лёссовый. В завале в северо-западной части науса на глубине 1.6 м найдены 3 больших камня. На глубине 0.5 м по всей площади науса найдено много обломков сделанного на гончарном круге сероглиняного, сильно закопченного, тонкостенного круглодонного котла с широкой горизонтальной закраиной, с ручками в виде утолщений на закраинах. При зачистке суфы обнаружены обломки 2 бедренных костей человека.

Наус 19 (рис. 4) расположен на 1 м севернее предыдущего. Стены сложены из пахсы и кирпича-сырца. В восточной стене находился дверной проем, перекрытый сводом из сырцовых кирпичей. Северная стена дверного проема была повреждена. Нишек в стенах проема не было. Вдоль трех стен науса имеются суфы.

В завале, заполнявшем помещение, было найдено много обломков оссуариев, их кры-

Один оссуарий был частично собран из обломков так, что можно судить о его размерах: длина 53 см, ширина 27.5 см, высота 15 см, толщина 2 см. Оссуарий овальный, штампованным и прочерченным орнаментом (рис. 7). От другого оссуария сохранилось несколько обломков с наклепной волнистой полосой у края. Из посуды найдено несколько обломков стенок кувшина с волнистым орнаментом и обломок венчика глиняной чашки.

Наус 20 расположен в 5 м севернее предыдущего. Стены науса на высоту 0.8 м сложены из пахсы, выше—из сырцовых кирпичей (на нижней стене можно проследить 6 рядов). Вдоль западной стены идет суфа шириной 0.8 м и высотой 0.17 м.

В восточной стене, на расстоянии 0.65 м от северо-восточного угла, находился дверной проем. В стенках дверного проема две нишки, левая в 0.55 м от внутренней по-

верхности восточной стены, правая—в 0.4 м. Дверной проем заложен лёссом и камнями, несколько камней найдено около него снаружи.

Наус был заполнен лёссом и обломками кирпича-сырца. В завале найдены тазовые и берцовые кости, зубы и обломок черепа человека, а также 3 обломка оссуария.

Наус 21 расположен в 0.4 м севернее науса 20. Стены его сложены из пахсы и кирпича-сырца. В восточной стене, на расстоянии 0.62 м от северо-восточного угла, помещался дверной проем, перекрытый сводом из кирпича-сырца.

На расстоянии 0.42 м от внутренней поверхности восточной стены располагались 2 нишки, одна напротив другой; над правой нишкой, на высоте 0.67 м от пола и 0.35 м от внутренней поверхности восточной стены, помещалась третья нишка.

Вдоль трех стен расположены суфы высотой 10 см (ширина северной 0.62 м, западной—0.72 м, южной—0.67 м).

Завал в наусе состоял из лёсса и сырцовых кирпичей из обвалившегося свода. На полу обнаружены обломки очень слабо обожженного оссуария, обломки кувшина и остатки костей человека. Дверной проем был заложен пахсой, а снаружи камнями, изнутри проход свободен от забивки на протяжении 0.6 м, в лёссе в дверном проеме найдены обломки костей человека.

Наус 22 расположен в 3 м севернее предыдущего. Стены до высоты 35 см сложены из пахсы, выше—из кирпича-сырца. В восточной стене, на расстоянии 0.48 м от северо-восточного угла, находился дверной проем. В стенах дверного проема имеются 2 нишки. Дверной проем заложен камнями и пахсой с галькой, снаружи проход был завален большим камнем, кроме того, с внешней стороны лежали 7 больших камней, уложенных в ряд. Поперек дверного проема лежал кусок сгнившего дерева, оба конца его уходили под стену, поверх него лежали камни.

Вдоль трех стен помещаются суфы высотой 10 см (ширина северной 0.48 м, западной—0.74 см, южной—0.52 см).

В завале найдено много костей человека (ребра, позвонки, ключицы, берцовые кости), обнаружены обломки оссуария со штампованным орнаментом, некоторые обломки закопчены. Около южной стены на глубине 0.7—0.8 м от поверхности холма обнаружено 16 камней, лежащих в беспорядке вместе с обломками кирпича-сырца, на этой глубине у западной стены найдена нижняя челюсть человека. Ниже в завале, а также на полу было большое скопление

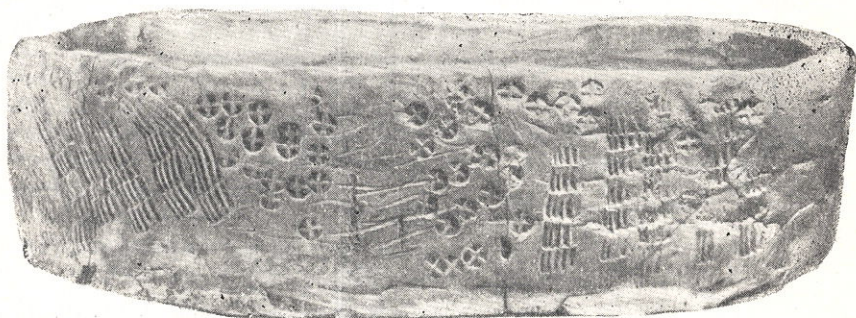

Рис. 7. Оссуарий из науса 19.

человеческих костей. На полу обнаружены 3 обломка сосуда.

Наус 23 (рис. 8) расположен на 3 м севернее науса 22. Являясь продолжением цепочки наусов №№ 16—22, он в то же время начинает собой кольцо наусов, разместившихся по краям большой площадки (№№ 23—30). Это самый большой наус из вскрытых нами. Сложен он из пахсы. В восточной стене, в 1.21 м от северо-восточного угла, помещался дверной проем, заложенный пахсой на высоту 28 см, выше—каменьями разной величины, плотно уложенными в 4 ряда. Закладка дверного проема нами не была вынута. Свободное от закладки пространство дверного проема заполнено рыхлым лёссом.

Вдоль трех стен шли суфы высотой 30—32 см (ширина северной 1.21 м, западной—0.77 м, южной—1.15 м).

В завале науса, на глубине 1.74 м от поверхности холма, у северной стены, на расстоянии 2.55 м от северо-восточного угла, найден обломок поливного сосуда.

недалеко от него — камень в виде овального бруска. В завале же обнаружены 3 обломка оссуария, венчик глиняного сосуда, бедренная кость человека.

1.9 м в завале внутри науса обнаружено очажное пятно (толщина зольного слоя 30 см), а также птичьи и бараньи кости; на той же глубине у южной стены выяви-

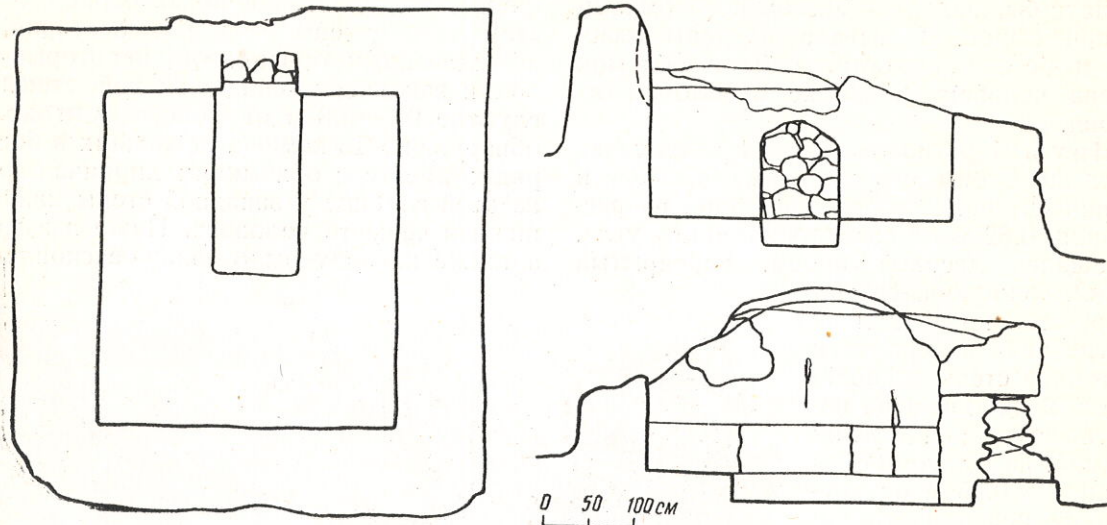

Рис. 8. План и разрез науса 23.

На поверхности суфы в северо-восточном углу найден хорошо сохранившийся череп человека, рядом с ним, но несколько выше (на 10 см) лежали тазовые кости,

лись еще 2 очажных пятна; на поверхности суфы найдены угольки.

В северной стене науса, на расстоянии 0.75 м от западной стены, на высоте 1 м от суфы, обнаружена выбоина шириной 0.92 м, высотой 0.7 м. В восточной части выбоины сбоку сохранились отчетливые следы орудия, которым она была прорублена, ширина лезвия этого орудия 7 см (это было что-то вроде современной тещи). Выбоина была прорублена в пахсе у основания свода, по всей вероятности, грабителями.

Снаружи у западной стены были найдены обломок венчика хума, обломок стенки оссуария и обломок орнаментированной полусферической крышки оссуария, выброшенной, очевидно, из соседнего науса 24, где были найдены остальные обломки этой же крышки.

Наус 24 расположен на 2 м севернее науса 23. Стенки науса до высоты 0.8 м сложены из пахсы, выше — из кирпича-сырца. В восточной стене науса, в 0.78 м от северо-восточного угла, находится дверной проем, заложённый пахсой и камнями.

Вдоль северной и южной стен располагались суфы высотой 0.28 м (ширина северной 0.78 м, южной — 0.7 м).

Рис. 9. Золотой брактеат из науса 23.

ребра и позвонки. При зачистке южной суфы, на расстоянии 0.62 м от южной стены и 0.49 м от восточной, на суфе была найдена тонкая золотая пластинка диаметром около 1 см — оттиск монеты: односторонний брактеат с рельефным изображением воина с копьем наперевес (рис. 9).

Перед дверным проемом, на глубине

В завале внутри помещения попадались фрагменты плохо обожженного оссуария и подставок, зубы, обломки костей, позвонки, берцовые кости человека, фрагменты нескольких оссуариев с костями человека (2 нижних челюсти, затылочная часть черепа). Любопытно, что некоторые кости обгорели и закопчены. В завале найдены также дно кувшина и обломок глиняного сосуда, покрытого светлым ангобом. В разных местах обнаружены обломки крышки оссуария с очень интересным орнаментом (рис. 10).

В юго-западном углу на глубине 1.2 м от поверхности выявлено зольное пятно диаметром 12—16 см. В том же углу на глубине 1.6 м лежал обломок железного предмета. В дверном проеме на глубине 1.7 м найден железный гвоздь длиной 11 см (рис. 11, 2). У южной стены обнаружены два обломка железного браслета диаметром 6 см (рис. 11, 3). В завале дверного проема оказалось несколько кусков сгнившего дерева.

На ус 25 расположен на расстоянии 1.5 м севернее предыдущего. Стены его сложены из пахсы на высоту до 0.8 м, а выше — из кирпича-сырца. В восточной стене, на расстоянии 0.65 м от северо-восточного угла, помещался дверной проем.

Вдоль трех стен имеются суфы высотой 0.1 м (ширина северной 0.72 м, западной — 0.8 м, южной — 0.75 м). В лёссовом завале помещения найдены обломки подставки и крышки оссуария, обгоревшие куски оссуария, обломки кувшина и кости человека. На глубине 1.1 м от поверхности лежали мелкие угли, в северо-восточном углу зачищено очажное пятно, около северной стены найдена сгнившая деревянная балка, ближе к полу находились остатки костра с золой и углями, а у южной стены — сырцовые кирпичи и камни. На полу помещения обнаружены камни, кости человека и бронзовый шаровидный бубенчик диаметром 1.5 см, с прорезью и петелькой (рис. 11, 4). На южной суфе лежала железная пластина (нож?), разломанная на 3 куса (длина около 15 см, рис. 11, 1).

На ус 26 расположен на 2.5 м севернее науса 25. Дверной проем помещался в северо-восточной стене, на расстоянии 0.89 м

от северного угла. В стенках проема — две нишки.

Суфы высотой 10 см размещались вдоль

Рис. 10. Фрагментированная сферическая крышка из науса 24.

трех стен (ширина северо-западной 0.89 м, юго-западной — 1.04 м, юго-восточной — 1.03 м).

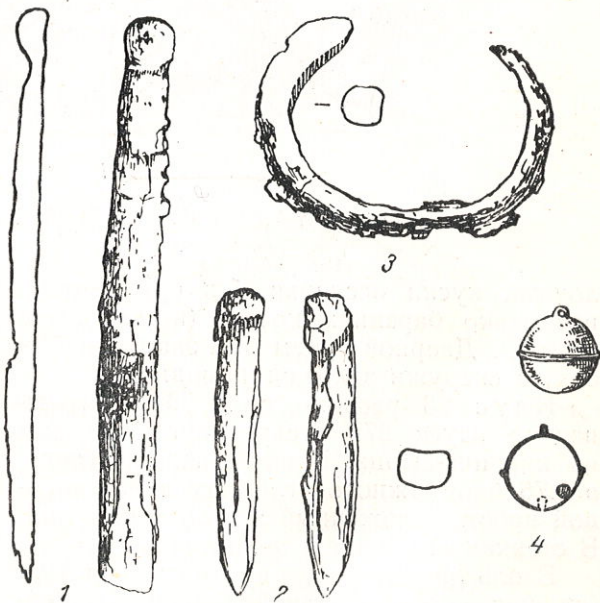

Рис. 11. Металлические предметы из наусов 24 и 25.

1 — нож, 2 — гвоздь, 3 — браслет, 4 — бубенчик.

Дверной проем заложен пахсой и большими камнями (до 40 камней). В лёссовом завале внутри науса найдены камни, кости человека, обломки кувшина, целый череп и обломки другого. На полу и суфе лежало много камней.

Наус 27 расположен в 15 м юго-западнее предыдущего. Стены его на высоту 0.65 м сложены из пахсы, а выше — из кирпича-сырца. В северо-восточной стене, на расстоянии 0.54 м от северного угла, находился дверной проем; нишек в стенках проема не оказалось. Вдоль трех стен расположены суфы высотой 0.2 м, шириной 55—58 см.

В лёссовом завале науса найдено небольшое количество обломков костей че-

науса 28. Стены сложены из пахсы. В восточной стене, в 0.67 м от северо-восточного угла, помещался дверной проем, в стенках которого находились нишки.

Раскоп был доведен до глубины 1.75 м; суфы и пол помещения не были обнаружены; на глубине 1.7 м начался материк.

В завале, заполнявшем наус, было найдено много костей человека, в том числе 3 черепа (на глубине 1.42 и 1.15 м); один из черепов хорошо сохранился. Среди костей обнаружены обломки прямоугольного с закругленными углами оссуария (рис. 12), длина сохранившейся части 46 см, ширина оссуария 31 см, высота 23.5—24 см, толщина стенки 1.8 см; стенки оссуария покрыты штампованным орнаментом двух видов: по верхнему краю и по низу идет полоса из фигур, напоминающих угловатую цифру «3», а между полосами, в полукруглых арках — «кресты» из треугольников. Последние часто встречаются на самаркандских оссуариях.¹

Наус 30 (рис. 13) расположен южнее науса 29, на расстоянии 1 м, сложен он из кирпича-сырца. В восточной стене

науса, в 0.5 м от северо-восточного угла, помещается дверной проем шириной 0.65, длиной 1.17 и высотой 1.17 м; во внутренней части проема была обнаружена ступенька из пахсы высотой 0.12 м, длиной 0.49 м и шириной 0.34 м.

Так же как и в наусе 29, в данном наусе не было найдено пола и суфы; на глубине 1.81 м начинался материк (галька и камни). Раскоп был доведен до глубины 1.9 м.

Внутреннее помещение науса было перекрыто коробовым сводом, части которого выступают на 47 см над северной и южной стенами. Расстояние между уцелевшими

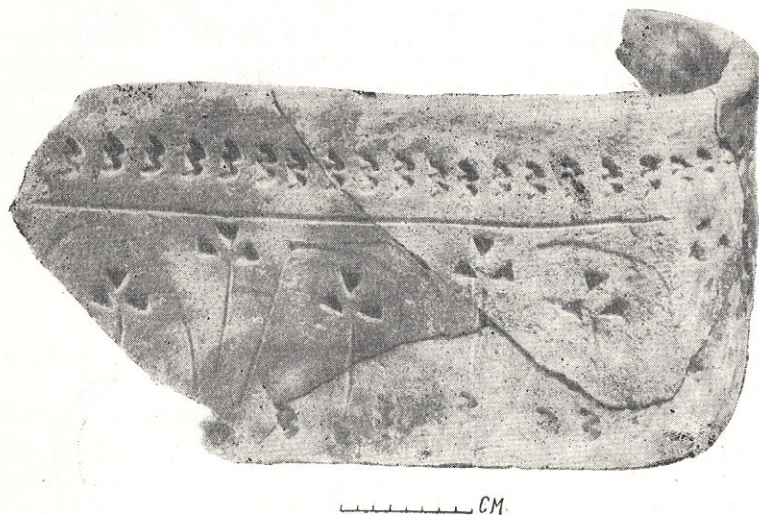

Рис. 12. Фрагмент стенки оссуария из науса 29.

ловека, куски оссуария без орнамента и несколько бараньих костей (в том числе альчик). Дверной проем был заполнен лёссом, а снаружи заложен камнями.

Наус 28 расположен в 20 м юго-западнее науса 27. Стены науса сложены из кирпича-сырца. В юго-западной стене, в 0.76 м от южного угла, находился дверной проем, заложенный лёссом и камнями. В стенках его нишек не было.

Вдоль трех стен идут суфы высотой 0.2 м (ширина северо-западной 0.47 м, северо-восточной — 0.53 м, юго-восточной — 0.65 м). В завале встречены обломки плохо обожженной плоской крышки оссуария и небольшое количество костей человека. На полу у дверного проема найдены обломки глиняного сосуда, покрытого светлым и темным ангобом, и берцовая кость человека, на полу в дверном проеме — обломки стенки и дна оссуария и ручка от его крышки.

Наус 29 расположен в 10 м к югу от

¹ К. В. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства. Л., 1940, стр. 47. — Г. А. Пугаченкова. Элементы согдийской архитектуры на среднеазиатских терракотах. Матер. по археолог. Узбекистана, т. II, Ташкент, 1950, стр. 11, рис. 1, (2, 4); стр. 23, рис. 9. — Н. И. Веселовский. Еще об оссуариях. ЗВО, т. XVII (1906), СПб., 1907, табл. II (VII), 5.

частями свода 0.81 м (при длине восточной и западной стен 1.65—1.63 м).

Вскрытые в 1948—1949 гг. 14 наусов содержали не менее 56 погребенных,¹ т. е. в среднем на каждый наус приходилось не менее 4 покойников (табл. 1 на стр. 78).

К сожалению, сохранность наусов, вскрытых в 1950 г., оказалась еще более плохой, в силу чего количество погребенных опре-

Наусы пянджикентского некрополя представляют собой небольшие склепы, помещения которых в среднем имели площадь 4—5 м² (исключение составляет наус 23, площадь которого равна 10 м²).

По устройству помещений среди них можно выделить наусы 1, 3—5, 10, 16, 18, 19, 21, 23, 25—28. Все эти наусы имеют тянущиеся по трем стенам суфы в виде

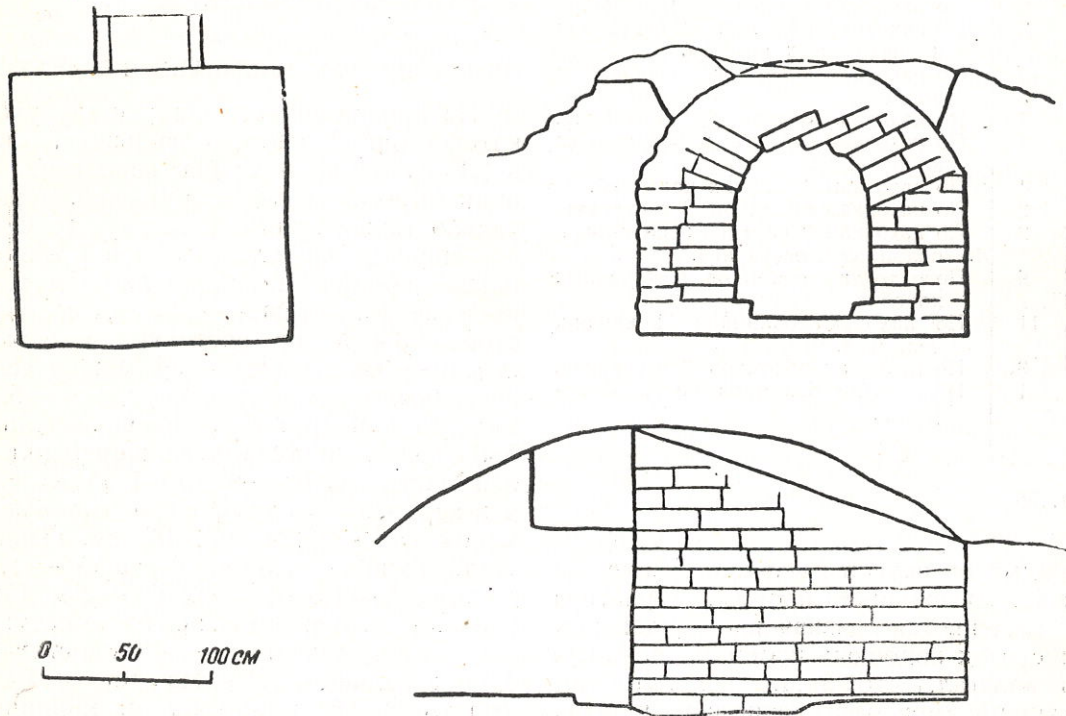

Рис. 13. План и разрезы науса 30.

делить еще труднее. Но и в этой группе можно отметить наусы, в которых сохранились следы нескольких погребений — наусы 17, 22, 24, 29. Во всяком случае мы можем сказать, что определяемое нами количество погребений тем больше, чем лучше сохранность науса. Следовательно, судить о первоначальном среднем числе погребений в отдельном наусе мы должны именно по лучше сохранившимся. Если же исходить из этих данных, то в каждом наусе пянджикентского некрополя покоилось, видимо, в среднем около 10 человек.

¹ Результаты антропологического изучения 20 черепов, доставленных нами в МАЭ АН СССР, см. в настоящем сборнике в статье В. В. Гинзбурга.

буквы «П», между которыми остается проход.

В другую группу можно объединить наусы 6—8, 14, 15, которые хотя не столь единообразны, но имеют общие черты: наличие у входа ступенчатого возвышения (наусы 7, 8, 15) или ступенчатых ниш в стене (наусы 6 и 14). Устройство помещений остальных наусов сильно варьирует.

Наусы были перекрыты коробовыми сводами из кирпича-сырца, сложенными приемом поперечных отрезков с употреблением сырцовых клиньев. Осевшие части таких сводов были обнаружены в наусах 6 и 12; в этих наусах и в наусах 3, 7 и 14 на опорных стенах сохранились выступы, служившие пятой свода.

ТАБЛИЦА 1

Номер науса	Количество погребенных	По каким данным определено
1	4	По находкам 4 черепных коробок.
3	1	По находкам обломков оссуария.
4	3	По находкам 3 черепных коробок.
5	2	По находкам обломков 2 оссуариев и 2 оссуарных крышек.
6	10	По находкам обломков 10 черепных коробок.
7	3	По находкам обломков 3 оссуариев.
8	4	По находкам обломков 4 черепных коробок.
9	4	По находкам 4 нижних челюстей.
10	2	По находкам обломков 2 оссуариев.
11	2	По находкам 2 черепных коробок и обломков 2 оссуариев.
12	6	По находкам обломков 6 черепных коробок.
13	11	По находкам обломков 11 нижних челюстей.
14	3	По находкам обломков 3 оссуариев.
15	1	По находке обломков черепной коробки.
Итого ..56		

Каждый из наусов имел небольшие (не выше 1,2 м) входные проемы, характера лаза. Выясняется назначение маленьких ниш в срезах подобных проемов. И. А. Сухарев полагал, что ниши, вскрытые им в стенах проемов кафыркалыньских наусов, были связаны с деревянной конструкцией двери. Такие двери (точнее заслонки) первоначально имелись и в ряде пиянджикентских наусов, так как в некоторых из них сохранились куски дерева; однако позже, как показали раскопки, проемы-лазы этих наусов просто забивали пахсой, камнями или кирпичом-сырцом. Подобная забивка производилась столь добросовестно, что расчистка лаза, производившаяся, очевидно, для внесения новых оссуариев, приводила иногда к порче его стен (наус 4).

Все вскрытые нами наусы оказались разграбленными. Грабители проникали внутрь наусов через лаз, а чаще через пробойну в своде, на что указывают скопления находок на небольшом участке в завале и над остатками стен.

Интересные данные, объясняющие, каким образом грабители проникли внутрь

наусов, обнаружены в наусе 23. В верхней части северной стены, на высоте 1 м от суфы, в пахсе оказалась выбоина (ширина 0,92, высота 0,7 м); она была сделана каким-то железным орудием типа теши с режущей поверхностью шириной 7 см. Ограбление наусов производилось тогда, когда сводчатые перекрытия были еще целы, вероятно вскоре после прекращения жизни древнего Пиянджикента.

ОПИСАНИЕ ТАК НАЗЫВАЕМОГО «НАУСА 2»

На прилегающем к шахристану участке юго-восточной части могильника, метрах в 200 от южного стыка городских стен, нами было вскрыто сооружение, первоначально также принятое за наус (рис. 1, 2).

«Наус 2» представлял собой однокомнатное сооружение (размеры помещения: по северной стене — 3,45 м, по южной стене — 3,4 м, по восточной и западной стенам — 3,8 м, расстояние между северо-восточным и юго-западными углами — 5,16 м, между юго-восточным и северо-западным — 5 м) с толстыми стенами, сложенными в нижней части (на высоту до 1 м) из пахсы, а в верхней — из сырцового кирпича размером 50—52×24—27×10 см. Толщина стен: южной — 1,5 м; северной — 1,6 м; восточной — 1,8 м; западной — 2 м. Сохранились они максимально на высоту: южная — 1,6 м, северная — 2,4 м, восточная — 2,3 м, западная — 2,0 м. На восточной стене, на высоте 1,64 м над полом, кирпичи начинают выступать над стеной, образуя начало свода.

Построено это сооружение на невысоком холме, причем предварительно для него была сооружена пахсовая платформа с включением камней и галечника. Поверхность этой пахсовой платформы являлась одновременно полом внутреннего помещения.

К западной части северной стены помещения примыкает пахсовое возвышение длиной 2,6 м, шириной 0,83 м и высотой 0,70 м. Поверхность этого возвышения выложена кирпичом-сырцом (размер его 50×24×10 см). К пахсовому возвышению примыкало второе возвышение, сооруженное путем засыпки крупными булыжниками полосы вдоль западной стены помещения, огражденной рядом поставленных торчком сырцовых кирпичей и перекрытое сверху кладкой из такого же кирпича-сырца. Ши-

рина этого возвышения 0.6 м, высота его понижается к югу (от 0.68 м в месте прикосновения с пахсовым возвышением до 0.57 м в самом южном сохранившемся конце). Сохранилось оно до точки, отстоящей от северной стены помещения на 2 м. Далее на юг находок таких камней не было; возвышение, таким образом, приблизительно здесь и кончалось.

В центре помещения находилась большая яма неправильно овальной формы, глубиной до 0.7 м.

На северное возвышение выходил проем, проделанный в северной стене, в 1.38 м от северо-западного угла помещения. Проем имел ширину 0.65 м. На высоте 0.55 м от поверхности помещения в проеме сохранилась пята сводчатого перекрытия, возведенного из кирпича-сырца. В проеме на уровне его пола (и поверхности возвышения) располагались по две ниши: восточная—в 0.85 м от внутреннего помещения (0.2 м во всех трех измерениях) и западная—0.98 м. Проем был заложен пахсой, и в результате того, что расчистка началась с внешней стороны, часть северной стены сооружения, начиная с появления восточной ниши, была разрушена, из-за чего измерить эту нишу не удалось.

Ниже проема, в платформе, с внешней стороны сооружения, помещалась большая каменная плита. Все внутреннее помещение, включая и яму в центре него, было плотно заложено пахсой. В этой пахсовой забутовке изредка встречались небольшие обломки оссуариев и мелкие человеческие кости; в ней же найдено несколько костей барана со следами надрезов острым режущим инструментом, а на дне ямы—обломок обожженной кирпичной плитки, толщиной 4 см.¹

Поверхность забутовки была покрыта 10-сантиметровым слоем мелких камней и гальки, а над этим слоем открыт ряд зольных пятен. Сверху все помещение, включая и поверхности возвышений, было обмазано толстым (до 4 см) слоем глиняной обмазки, образовавшей ровную поверхность, слегка покатую к югу (понижение ее уровня достигает 20 см).

¹ Над поверхностью пола, под забутовкой, в 1.4 м от южной и 1.2 м от восточной стен помещения, близ норки мелкого животного, найдена, очевидно попавшая сюда случайно, серебряная монета эпохи аштарханидов.

Такая же обмазка толщиной до 2 см покрывала и стены помещения (обмазку стен производили после возведения возвышений, но до забутовки, так как эта глиняная «штукатурка» имела на всех стенах выше уровня пола, исключая те части северной и западной стен, к которым примыкали указанные возвышения).

Помещение заполнял завал, состоящий из обломков кирпича-сырца и лёсса, с включением небольших камней. В завале изредка встречались кости и мелкие фрагменты оссуариев. Участок же к югу от пересечения бровок, диаметром около 1.2 м, на глубину от 0.4—0.6 до 1.5 м представлял собой завал крупных обломков оссуариев, костей и т. п.

После снятия западно-восточной бровки, севернее ее удалось выявить остатки замка сводчатого перекрытия. Перекрытие это представляло собой коробовый свод, возведенный из кирпича-сырца (размером $50 \times 24 \times 10$ см) с помощью нестандартных сырцовых клиньев, покрытый сверху рядом положенных ложком сырцовых кирпичей (размером $50-52 \times 24 \times 10-12$ см).

Сооружение это, без сомнения, связано было с погребальным обрядом: об этом свидетельствуют и находки в нем фрагментов оссуариев, и мелких человеческих костей, и само расположение его за городской стеной, на самом краю территории могильника. Однако особенности его устройства (яма в центре, высокие возвышения вдоль северной и западной стен, непохожие на суфы наусов, сравнительно большой размер помещения и, наконец, тот факт, что вход его был не на уровне пола, а на уровне поверхности северного возвышения) не позволяют считать его наусом.

В связи с вопросом о назначении этого так называемого «науса 2» интересно сопоставить его со странным помещением, пристроенным к замку 36 оазиса Беркут-Кала, который был вскрыт в 1939 г. экспедицией С. П. Толстова.¹

Помещение это, квадратное в плане (4.5×4.5 м), было перекрыто куполом. Вдоль юго-западной стены его шла узкая высокая кирпичная лежанка, на поверхность которой

¹ С. П. Толстов. 1) Древний Хорезм. М., 1948, стр. 149; 2) Древности Верхнего Хорезма. ВДИ. № 1 (14), 1941, стр. 174, 175.

вел заменяющий вход пролом в этой же стене (в южном углу помещения).

Центр комнаты занимала овальная яма размером 1.5×1.8 м, прорубленная сквозь такыр до подстилающего песка. «Над ямой и на полу лежал слой, состоящий из соломы, прутьев, овечьего помета, многочисленных кусков дерева — отрезков бревен и палок различной величины — и комьев глины разного размера. Все это на высоте 0.5 м над нижним полом было перекрыто четырьмя слоями верхнего горизонта пола, настланного заподлицо с поверхностью описанной выше суфы».¹

С. П. Толстов выдвинул предположение, что помещение это являлось зороастрийским ритуальным помещением «для еще не разложившихся трупов, если они в силу каких-либо причин не могут быть сразу вынесены на открытое место»,² т. е. «катой», известной в зороастрийской литературе.

Особенностями этого помещения являются те же черты, которые характерны и для нашего «науса 2» (яма в центре, высокая суфа, вход, ведущий не на пол, а на поверхность суфы, и, наконец, забутовка помещения до уровня этой поверхности), из чего можно сделать вывод, что и пристройка в замке 36 Беркуткалинского оазиса и «наус 2» древнего Пянджикента имели одно и то же или во всяком случае близкое назначение. Предположение же С. П. Толстова о связи вскрытого им сооружения с погребальным обрядом в таком случае получает новое фактическое подтверждение.

Однако имело ли здесь место только временное выставление трупа, как полагает С. П. Толстов, или же отделение мяса от костей покойника и укладка их в оссуарии, как представляется нам на основании анализа находок в пянджикентском сооружении, утверждать с полной достоверностью еще невозможно.

Кроме указанных выше сооружений, в юго-восточной части некрополя (в 25 м северо-восточнее науса 1) в 1948 г. нами был исследован невысокий холм (высотой около 1 м, диаметром около 7 м), представляющий собой, как выяснилось, остатки какой-то платформы, сооруженной из пахсы

с галькой. Здесь были найдены 4 обожженные плиточные подставки (размером: 1-я — более $16 \times 22 \times 4$ см, 2-я — более $18 \times 21 \times 3.5$ см, 3-я — $33 \times 20 \times 4$ см и 4-я — $32 \times 20 \times 4$ см) и 3 мелких обломка глиняных сосудов.

Возможно, что в данном случае мы имели дело с остатком жертвенного места.

Помимо описанных раскопок, в связи с полученными сведениями о нахождении оссуарных погребений прямо в грунте пянджикентского могильника,¹ в юго-западной его части, возле группы наусов 7—11, в 1949 г. был заложен разведывательный раскоп. Однако грунтовых погребений в этом месте обнаружить нам не удалось.

ОПИСАНИЕ НАХОДОК

Как мы уже упоминали, во всех сооружениях, вскрытых нами на территории пянджикентского некрополя, постоянно встречались фрагменты оссуариев. Все они изготовлены из глины, причем орнаментация, тщательность выделки, качество теста и обжига отдельных экземпляров сильно варьировали, но вариации эти имели место в одном и том же наусе, так что выделить какой-либо из них по качеству найденных в них оссуариев не представляется возможным.

Хуже всего сохранились оссуарии, изготовленные из почти не обожженной глины. По извлечении из земли фрагменты их производили впечатление кусков сырой глины, покрытых красным ангобом, а прочность они приобретали лишь несколько подсохнув на воздухе.

В большем количестве обнаружены фрагменты оссуариев из хорошо отмученной глины, хорошего обжига, украшенные штампованным орнаментом, состоящим из знаков, которые встречаются и на оссуариях из окрестностей Самарканда (фигуры в виде мальтийского креста, колеса с 4 или 6 спицами, зигзага и т. п.). Знаки эти украшали целыми рядами одну из стенок оссуария, лишь в виде исключения частично заходя на боковые стенки (табл. XI).

Наносились эти знаки на оссуарий до обжига при помощи штампа.

¹ С. П. Толстов. Древности Верхнего Хорезма, стр. 175.

² С. П. Толстов. 1) Древний Хорезм, стр. 149; 2) Древности Верхнего Хорезма, стр. 175.

¹ Газ. «Комсомолец Таджикистана», № 9 (290), от 18 января 1940 г., стр. 4.

В целом виде оссуарии описанной выше группы имеют форму продолговатого ящика с закругленными углами, что типично для оссуариев Самаркандского района. Однако иногда углы бывают столь сильно закруглены, что оссуарий приобретает форму овальной, расширяющейся кверху, ванночки (рис. 14). Очевидно, именно эту форму имел в виду автор заметки о раскопках В. Р. Чейлытко, когда писал, что «в Пянджикенте обнаружен новый вид оссуариев — овальной формы».¹

Рис. 14. Оссуарий из науса 6.

Следует отметить, что сложившееся в результате работ 1948 г. представление о характерности для древнего Пянджикента именно таких оссуариев² не находит себе подтверждения при изучении более многочисленных находок 1949 г. Количественно подобных оссуариев не больше, а скорее даже меньше, чем слабо закругленных четырехугольных оссуариев, качественно же они являются лишь незначительной разновидностью последних, причем резкой грани между этими разновидностями установить нельзя.

¹ Зороастрийское кладбище под Пянджикентом. «Правда Востока», № 286(4247), от 12 декабря 1936 г., стр. 4; ср.: В. Р. Чейлытко. Оссуарии. «Сталинская молодежь» (Сталинабад), № 5(571), от 27 января 1946 г.

² Б. Ставиский. Исследование маздеистского некрополя древнего Пянджикента. Сообщ. Тадж. ФАН СССР, в. XIX, Сталинабад, 1949, стр. 38—40.

К другому типу относятся обломки оссуариев с прочерченным орнаментом под наклепной полосой с зацепами, помещающейся несколько ниже верхнего края на лицевой стенке. Орнамент этот прочерчивался просто от руки или с помощью палочки и состоял либо из наклонных линий, иногда образующих арку, либо из сложных изобразительных мотивов, подвергшихся сильной схематизации.

Один из оссуариев этой группы, кроме наклепной полосы с зацепами, имел еще

вертикальный наклепной валик (изображавший, вероятно, колонну или столб), над которым помещалась наклепная же головка какого-то существа (оссуарий Н-24 из науса 4, рис. 15).

Поверхность оссуариев этого типа часто покрывалась красным ангобом. Изготавливались они из грубого теста с дресвой. Обжиг их, как правило, был плохим: черепок в изломе имеет черную или серую середину.

В целом виде оссуарии этого типа в плане овальные и имеют выпуклые, суживающиеся кверху стенки. Тип этот, в Пянджикенте количественно уступающий описанному выше, известен в науке под названием «овального» или «юртообразного».

Нельзя сказать, что оба описанные типа оссуариев в Пянджикенте резко противопоставлены друг другу. Напротив, нами найдено большое число обломков, представляющих

собой как бы промежуточную группу оссуариев. Это — обломки среднего качества обжига, формы, характерной для первого типа оссуариев с различным орнаментом: прочерченные наклонные линии, штампованные знаки, наклепные полосы, защипы и налепы. Из числа последних особого внимания заслуживает сравнительно крупный наклеп из науса 13 (Н-120). Он представляет собой изготовленную при помощи тонкого (металлического?) штампа морду чудовища, исполненную с большим художественным мастерством (рис. 16)¹.

Рис. 15. Обломок оссуария из науса 4.

К этой же «промежуточной» группе следует, очевидно, отнести оссуарий, обломок угла которого (Н-118), украшенный штампованными кружками, треугольниками и прекрасной рельефной восьмилучевой розеткой, в сочетании со сквозными фигурными прорезями, обнаружен в том же наусе 13 (табл. XI, 1, 2).

К этой же «промежуточной» группе относится и прямоугольный с закругленными углами оссуарий из науса 16 (рис. 3), все стенки которого покрыты ромбической сеткой, образованной пересекающимися тройными врезанными наклонными полосами, а на лицевой стенке помещена наклепная грубая головка такого же типа, как и на оссуарии Н-24 из науса 4.

Особняком стоят найденные среди подъемного материала на поверхности могильника 2 обломка оссуариев со штампо-

ванными человеческими (?) изображениями (табл. XI, 5).

Все оссуарии древнего Пянджикента лепились от руки. Переход ко дну подчеркнут вертикальным срезом нижней внешней части стенок.

Длина оссуариев из пянджикентского могильника равна 50—55 см, ширина 25—27 см, высота 18—23 см.¹

Во вскрытых нами наусах обнаружены были и оссуарные крышки. Это либо полусферические крышки с ручкой в центре и круглым отверстием вблизи него, либо

Рис. 16. Налеп от оссуария из науса 13.

крышки, составляющиеся из двух плиток, которые, накладываясь на оссуарий, судя по их размерам, не сходились, образуя в центре просвет шириной в несколько сантиметров. Плитки эти иногда украшались наклепными валиками с защипами, наклепными кружками или покрывались ангобом. Нижняя сторона их часто сохраняет следы песочной подсыпки, а в одном случае носит следы ткани. По качеству изготовле-

¹ Кроме вышеперечисленных оссуариев, найденных в наусах, на территории шахристана при раскопках объекта III, в помещении 13, у западной стены на глубине 2.5 м был обнаружен фрагментированный овальный алебастровый оссуарий с полусферической крышкой (рис. 17); сделан оссуарий от руки; размеры его следующие: длина 26, ширина 15, высота 8.7 см, толщина стенок 2.0—1.0 см, высота крышки с ручкой 10 см, толщина крышки 1.6—1.0 см; в стенках сквозные отверстия диаметром 0.6—0.7 см. Ручка на крышке продолговатая, длина ее 5.6, высота 2.7 см; под ручкой сквозное отверстие диаметром 2 см.

¹ Об этой находке Е. А. Мончадской написана специальная статья, которая в ближайшее время будет опубликована.

ния плитки сильно варьируют, не уступая в этом отношении оссуариям.

Полусферические крышки покрыты врезанной орнаментацией в виде стилизованных веток. Среди них особо следует отметить обломок с ручкой, изображающей обнаженную женщину с левой рукой, положенной на лобок (голова и правая рука отбиты), из науса 4 (Н-21; табл. XI, 3) и крышку (Н-112) из науса 10, имеющую вырез, закрывающийся особым кружком (рис. 18).

Очень интересна также крышка из науса 24 врезанным орнаментом в центре, изображающим дерево в арке из двух полос и восьмилепестковые розетки с круглым отверстием в середине (рис. 10).

Во время раскопок нам постоянно попадались целые и фрагментированные обожженные глиняные плитки размером около 26—40×23×2—4 см. И. А. Сухарев считал возможным рассматривать подобные плитки как подставки под оссуарии, однако более вероятно, что плитки использовались как подставки под сосуды, а возможно, и как крышки сосудов.

Находки обломков глиняной посуды имели место уже в 1948 г. при раскопках наусов юго-восточной группы; однако эти фрагменты были столь невелики и маловыразительны, что восстановить форму сосудов не представлялось возможным.¹

В 1949 г. при вскрытии относительно лучше сохранившихся наусов юго-западной группы нам удалось найти керамические сосуды, хотя и разбитые, но поддававшиеся восстановлению (табл. IX, 2—4, 6).

Сосуды эти были сделаны на гончарном круге из прекрасно отмученной желтой глины. Черепок звонкий, тонкий, хорошего обжига.

Наиболее интересны сосуды, имеющие слегка удлиненное шаровидное тулово и широкое горло с отогнутом венчиком. К венчику у таких сосудов прикреплена плоская в разрезе вертикальная ручка, против которой на другой стороне сосуда, ниже

горла, помещается слив с примытым рожком. Тулово опоясывает идущая с небольшим наклоном темнокрасная, почти коричневая ангобированная полоса. Ангоб

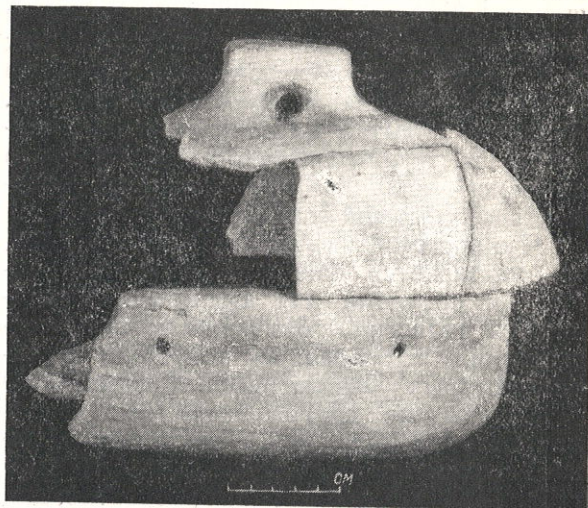

Рис. 17. Фрагментированный алебастровый оссуарий из помещения 13 объекта III.

покрывал также венчик, ручку и слив. По плечикам сосуда проходит пояс волнистых прореченных линий.

Рис. 18. Сферическая крышка оссуария из науса 10.

Сосуды такого типа, генетически восходящие к сосудам из комплекса Тали-Барзу III (ТБ III), представлены и в комплексе ТБ IV (ряд обломков подобных сосудов комплекса ТБ IV хранится в Отделении Средней Азии Отдела Советского Востока Государственного Эрмитажа); комплекс же ТБ IV датировался, как известно, Г. В.

¹ Исключение составляет обломок сосуда, имеющего диаметр дна, равный 24 см. Высота его 16 см. Стенки расширяются кверху, край слабо профилирован. Тесто отмученное, обжиг хороший.

Григорьевым,¹ а в последнее время и Т. Н. Книпович,² временем, близким к началу нашего летосчисления. Наш материал даже при учете пережиточного его бытования еще раз подтверждает выводы А. И. Тереножкина о более поздней датировке комплексов Тали-Барзу³ и отвергает, как нам кажется, и абсолютную хронологию Г. В. Григорьева и предпринятую Т. Н. Книпович попытку пересмотра этой хронологии на основании чисто формального признака — наличия прочерченного орнамента волнистыми линиями.

Что касается назначения этих сосудов, то нам кажется наиболее вероятным считать их сосудами для культовых возлияний (по аналогии с близкими к ним «кушанскими» сосудами, на подобную функцию которых указала М. И. Вязьмитина).⁴

Сосуды же другого типа (как, например, шаровидные сосуды без ручек и сливов, с широким горлом из наусов 13 и 15; табл. IX, 2) предназначались, вероятно, для жертвенной пищи. В связи с сосудами этого назначения находились, очевидно, встреченные в наусах же бараньи кости.

Среди обломков глиняной посуды, найденных в наусах в 1950 г., имеются обломки чаши, покрытой красным ангобом, со следами лощения (рис. 5), фрагменты круглодонного котла из серой глины, обломки горшков, кувшинов (куз) и обломки сосуда, покрытого светлым ангобом.

В ходе раскопок наусов были найдены и медные монеты. Всего найдено 9 монет (по одной в наусах 3, 11 и 13, две в наусе 6 и четыре в наусе 12). Все они датируются временем от второй четверти VII в. (из науса 6) до середины VIII в. (монеты из науса 13), т. е. периодом в 100—125 лет.⁵

Вспомним, что монетные находки имели место и в наусах Кафыр-Калы⁶. Очевидно, монеты сопровождали оссуарные погребения во всех наусах; отсутствие же их при

раскопках можно объяснить ограблением этих сооружений.

Как результат ограбления следует, очевидно, объяснять и отсутствие в большинстве наусов личных украшений, которые, как свидетельствуют находки золотого брактеата (наус 23), обломков железных браслетов (наусы 14 и 24), бронзового кольца (наус 12), а возможно и шаровидного бронзового бубенчика с прорезью и ушком (наус 25), помещались в наус вместе с останками покойников.

Помимо упомянутых выше находок, в наусе 25 был также обнаружен железный нож (в трех кусках), а в наусе 24 — железный гвоздь и обломок какого-то железного предмета.

Особо следует остановиться на золотом брактеате, найденном на поверхности южной суфы науса 23; это тонкая золотая пластинка диаметром около 1 см — оттиск одной стороны монеты (рис. 9).

На ней в точечном кругу изображен идущий влево воин; голова его, без бороды и усов, повернута в профиль, торс дан в фас, а ноги — в профиль. Руки воина согнуты в локтях, правая вытянута вперед, левая отведена назад. Обими руками воин держит перед собой наперевес копье, на переднем конце которого развевается лента; наконечник копья не показан. Правая нога воина выставлена вперед, левая отставлена. Воин одет в кафтан, полы которого ниже пояса подобраны с двух сторон и образуют как бы передник с закругленным нижним краем; на ногах — высокие сапоги с каблуками и с загнутым кверху носком. Прическа и головной убор изображены неясно.

Краткое описание этого брактеата имеется в статье А. Ю. Якубовского. Воин, изображенный на брактеате, сопоставляется им с воином на серебряном блюде, найденном в деревне Кулагыш (б. Пермской губернии).¹

Гораздо ближе к брактеату изображение воина на серебряной чаше из Молотовской области (Гос. Эрмитаж):² в одном

¹ См. его статьи: ТОВЭ, т. II, 1940; КСИИМК, в. VI, 1940; в. XIII, 1946.

² КСИИМК, в. XXVIII, 1949, стр. 74 сл.

³ КСИИМК, в. XXXIII, 1950, стр. 152 сл.

⁴ М. И. Вязьмитина. Керамика Айртама времени кушанов. Труды АН УзССР, сер. I, Термезск. археол. экспед., т. II, Ташкент, 1945, стр. 45.

⁵ Определение монет произведено О. И. Смирновой.

⁶ Г. В. Григорьев. К вопросу о художественном ремесле домусульманского Согда. КСИИМК, XII, 1946, стр. 94, 95; в последнем случае датировка VI—VII вв. неправильна, точнее — VII—VIII вв.

¹ А. Ю. Якубовский. Древний Пянджикент. Сб. «По следам древних культур», М.—Л., 1951, стр. 270; изображение см. на стр. 209. — Я. И. Смирнов. Восточное серебро. СПб., 1909, табл. XXIII. — И. А. Орбели и К. В. Тревер. Сасанидский металл. М.—Л., 1935, табл. 21.

² Н. А. Прокошев. Из неопубликованных ма-

из медальонов изображен идущий вправо воин с копьем наперевес. Его фигура и одежда отчасти напоминают воина на брактеате.

Постановка фигуры воина — голова и ноги в профиль, а торс в фас — напоминает изображения воинов с копьями на двух резных печатях из Самарканда, впервые опубликованных К. В. Тревер.¹

Факт нахождения брактеата в самом большом по размерам наусе наводит на мысль, что здесь была похоронена семья какого-то значительного лица.

Основываясь на монетных данных и на особенностях строительной техники, точно повторяющихся в замке правителя и в зданиях шахристана, мы считаем себя вправе датировать сооружения на территории пянджикентского некрополя VII—VIII вв. н. э.

Погребальные сооружения, представленные пянджикентским могильником, известны в археологии Средней Азии уже давно. Более того, глиняные костехранилища были первыми материальными памятниками древней домусульманской Средней Азии, которые привлекли к себе внимание еще на заре ее историко-археологического изучения.

Со времени находки в 1871 г. первого костехранилища в Ташкенте, вопросы, связанные с оссуариями, подвергались неоднократно рассмотрению; причем в изучении этих памятников принимали участие такие крупнейшие представители русского дореволюционного востоковедения как В. В. Бартольд, Н. И. Веселовский, К. А. Иностранцев, В. Р. Розен, П. К. Коковцев и др. Вопросы, связанных с костехранилищами, или оссуариями, как их стали называть после выступления Н. И. Веселовского на заседании Восточного отделения Российского археологического общества 27 января 1900 г., касались и многие советские востоковеды, историки и историки культуры. Однако все находки оссуариев вплоть до начала широких полевых изысканий советских археологов в Средней Азии в середине 30-х годов носили чисто случайный характер, в силу чего их связь с определенными археологическими ком-

плексами, равно как и точная датировка, не могли быть установлены.

За последние 10—15 лет советским археологам удалось обнаружить и вскрыть оссуарные погребения в северных районах Средней Азии (Хорезм, Семиречье). Исследовались оссуарные погребения и в долине Зарафшана, где И. А. Сухарев раскопал три погребальных склепа в Кафыр-Кале, а В. Р. Чейлытко — ряд склепов в Пянджикенте. Однако результаты этих исследований должного отражения в печати не получили, хотя прекрасный отчет И. А. Сухарева был представлен Республиканскому музею культуры узбекского народа в Самарканде и по сей день хранится в его научном архиве.

Раскопки ТАЭ в Пянджикенте являются, таким образом, первыми полевыми исследованиями оссуарных погребений на территории Согда, описание которых становится доступным для широких научных кругов. Поскольку же вскрытые И. А. Сухаревым склепы Кафыр-Калы имели чрезвычайно плохую сохранность, материал, добытый ТАЭ, приобретает особую ценность. Целый ряд вопросов истории культуры народов Средней Азии в той или иной мере оказывается связанным с этим материалом.

Первым из них, естественно, является вопрос о характере погребального обряда древнего Согда в эпоху, предшествующую арабскому завоеванию. На этом вопросе мы в первую очередь и позволим себе остановиться.

Оссуарии предназначены для хранения останков, подвергшихся предварительной специальной обработке. В чем заключалась такая обработка, достаточно ясно видно из сообщений письменных источников.

Говоря об убийстве 121 г. хиджры (739 г. н. э.) бухар-худата Тахшады, Табари¹ сообщает, что приближенные «срезали с него мясо, а кости послали в Бухару» (это же сообщение повторяет и Нершахи).² Об обычае отделения у покойников мяса от костей сообщает и Вэй-цзе: «Вне главного города живет отдельно более двухсот

териалов Молотовского и Чердынского музеев. КСИИМК, XII, М.—Л., 1946, стр. 88—90, рис. 44.

¹ К. В. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства, стр. 135—137, табл. 38.

¹ Табари, II, 1694. — В. В. Бартольд. Несколько слов об арийской культуре в Средней Азии. Средне-азиатск. вестн., июнь, 1896.

² Нершахи. История Бухары. Перев. Н. С. Лыкошина, под ред. В. В. Бартольда. Ташкент, 1897, стр. 80.

семейств, специально занимающихся погребением; они построили в уединенном месте особое сооружение, где воспитывают собак; когда кто-нибудь умирает, они берут его тело и помещают в этом сооружении, где его и поедают собаки; затем они собирают кости и хоронят их в погребальной процессии, но не кладут в гроб».¹

В этих сообщениях, как мы видим, речь идет о двух различных способах очищения костей (в первом случае отделение мяса производится людьми, в последнем — животными). К. А. Иностранцев отдавал предпочтение Вэй-цзе, как описывающему «общий обычай населения», в то время как в случае с бухар-худатом «говорится не об обычном, а о случайном обряде погребения».² Мнение это вполне резонно, однако не исключена все же вероятность и одновременного существования обоих отмеченных способов, подобно тому, например, как в Сиаме (Таиланд) существуют для тех же целей три разных способа, применяемые в зависимости от социального положения покойника.³ Во всяком случае отсутствие следов повреждений на костях и сохранение связок в частях позвоночных столбов, засвидетельствованные в пянджикентских склепах, противоречат предположению, что отделение мяса от костей здесь производилось животными.

Как бы то ни было, оба сообщения письменных источников одинаково свидетельствуют о существовании в Согде в VII—VIII вв. обычая отделения у покойников мяса от костей.

Источники совершенно не упоминают об оссуариях. Чем это вызвано, сказать трудно. Но и без подобных известий находки оссуариев говорят за себя достаточно красноречиво. Не менее красноречивы и вскрытые в Пянджикенте (и Кафыр-Кале) склепы. Впрочем, об этих погребальных сооружениях некоторые сведения есть и у мусульманских авторов. Так, о склепах, называя их наусами, сообщает

Табари. Сообщения эти касаются их вне связи с погребальным обрядом, однако само слово «наус», греческое по происхождению, проникшее к арабам из христианских источников, употреблялось арабоязычными авторами для обозначения именно погребальной постройки.¹

Табари упоминает о наусах в Средней Азии дважды. В одном месте говорится, что в 104 г. хиджры (722—723 гг. н. э.) арабский наместник Саид аль-Хараш и «вышел к Рабинджану и убил ад-Дивашти и распял его на наусе»;² в другом — сообщается о событиях 112 или 113 г. хиджры (730—731 или 731—732 гг. н. э.): когда согдийцы в союзе с тюрками разгромили арабский отряд Ваджафа ибн Халида, некий Курейш ибн Абдаллах с тремя воинами «вошли ночью в наус и спрятались в нем, а остальные побоялись и не вышли (из крепости, осажденной согдийцами, — Б. С.) и наутро были убиты».³ Кстати отметим, что последнее сообщение указывает на расположение наусов за стенами крепости. Вне городских стен помещены были также наусы Пянджикента и Кафыр-Калы; и не в самом Афрасиабе, а на территории современного Самарканда, т. е. вне древних городских стен, найдены все известные пока самаркандские оссуарные захоронения.

Намек на существование наусов в Согде содержится и в сообщении ал-Бируни о месяце Хшум: «В конце этого месяца плачут согдийцы по своим умершим, причитают по ним, надрезают себе лица и приносят им пищу, подобно тому, как делают персы в фарвардаджан».⁴ В фарвардаджан же персы «приносят пищу в наусы умерших и питье на крыши домов».⁵

Это сообщение ал-Бируни ценно для нас не столько упоминанием о наусах Согда, почти ничего нового нам не дающим, сколько указанием на празднество в месяце хшум. Праздник этот посвящен памяти усопших (внешним проявлением

¹ E. Chavannes. Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux. Сб. трудов Орхонской экспедиции, т. VI, СПб., 1903, прим. на стр. 133. Цитируем по статье К. А. Иностранцева «О древнеиранских погребальных обычаях и постройках» [ЖМНП, нов. сер., ч. XX, 3 (март), СПб., 1909, стр. 114].

² К. А. Иностранцев. О древнеиранских погребальных обычаях и постройках, стр. 115.

³ См. сообщение А. Д. Калмыкова на заседании 20 октября 1906 г. (ПТКЛА, XI, стр. 29, 30).

¹ А. Я. Борисов. О значении слова «наус». ТОВЭ, т. III, М.—Л., 1940, стр. 301—310.

² Табари, II, 1448.

³ Табари, II, 1543.

⁴ Ал-Бируни: арабский текст — E. Sachau. Chronologie orientalischer Völker von Albêrûni. Лейпциг, 1878, стр. 230; перевод — E. Sachau. The Chronology of Ancient Nations. Лондон, 1879, стр. 222.

⁵ Ал-Бируни, текст — стр. 224; перевод — стр. 204.

его, как видно из цитированного отрывка, являлось поминальное оплакивание покойников).

Обычай оплакивания покойников отражен и в согдийских археологических памятниках. Так, сцена оплакивания изображена на опубликованном А. А. Потаповым оссуарии из Русского музея.¹ Еще более отчетливо момент оплакивания представлен двумя опубликованными К. В. Тревер терракотовыми фигурками из собрания Н. И. Веселовского.²

Скажем несколько слов о времени, когда это оплакивание происходило. Хшум, по ал-Бируни, — двенадцатый месяц согдийского календаря.³ Его сведения по астрологическим вопросам подтверждаются данными согдийских документов с горы Муг, в которых интересующий нас месяц в согдийской транскрипции носит название 'γšwtpусу.⁴ Согдийский календарь был построен по принципу, аналогичному зороастрийскому календарю сасанидского Ирана, и состоял из 12 месяцев по тридцать дней в каждом и 5 дополнительных дней после последнего месяца,⁵ причем новый год должен был совпадать с днем весеннего равноденствия (22 марта). Описываемый ал-Бируни праздник, следовательно, имел место именно на грани старого и нового года (конец 12-го месяца), в начале весны.

Приурочение праздника, посвященного душам умерших предков, к дням наступления весны, т. е. «воскрешению природы», невольно наводит на мысль о существовании в домусульманском Согде культа умирающей и воскресающей природы, связанного с культом предков.

Действительно, поминальное оплакивание покойников оказывается повсеместно связанным с оплакиванием умирающей или — уходящей на время) природы; таковы обряды, связанные с Осирисом, Аттисом, Таммузом и Корой, весенние праздники поминания покойников в Афинах и Риме и славянские погребальные обряды.

Связь между умирающей и воскресающей природой и умирающими (а впоследствии должествующими воскреснуть) предками выступает и в таком ярком памятнике согдийского изобразительного искусства, как открытая ТАЭ в полевой сезон 1948 г. храмовая живопись древнего Пянджикента. На одной из наиболее хорошо сохранившихся сцен мы видим оплакивание безбородого юноши, по всей вероятности, представляющего именно местного персонифицированного бога умирающей и воскресающей природы.¹

На правильность подобной трактовки этого изображения указывают данные китайских источников. В другом месте цитированного нами выше отрывка из сообщений Вей-цзе говорится следующее: «Они (речь идет о согдийцах, — Б. С.) рассказывают, что божественный отрок умер в седьмом месяце, и потерялось его тело (буквально — его кости); люди совершали поклонение богу каждый раз при наступлении этого месяца, одеваясь в черные одежды в складах; они шли с обнаженными ногами, бия себя в грудь и плача, мужчины и женщины в количестве от трехсот до пяти-сот человек объединялись в группы для поисков небесного отрока».²

Сообщение это позволяет не только раскрыть с достаточной ясностью смысл сцены в росписях Пянджикентского храма, но и определить внутреннюю сущность обряда оплакивания покойников в конце месяца хшум, о котором упоминает Бируни. Не лишне отметить также сообщение из Истории Северных дворов,³ повторенное и в Истории династии Суй, о том, что во владении Кан (Согд) «в резиденции

¹ А. А. Потапов. Рельефы древней Согдианы как исторический источник. ВДИ, 1938, № 2 (3), стр. 128, 129, рис. 1.

² С. Trever. Terracottas from Afrasiab. М.—Л., 1937, стр. 49, прав. столб., табл. XIII, рис. 186, 187; К. В. Тревер, а вслед за ней и А. Ю. Якубовский (Живопись древнего Пянджикента. Изв. АН СССР, сер. ист. и филос., т. VII, № 5, 1950) ошибочно считают эти фигурки налепами от оссуариев.

³ Ал-Бируни, текст — стр. 82; перевод — стр. 56.

⁴ А. А. Фрейман. Датированные согдийские документы с горы Муг в Таджикистане. Доклады группы востоковедов. Труды ИВ АН СССР, т. XVII, Л., 1936, стр. 160.

⁵ А. А. Фрейман, ук. соч., а также: Согдийский рукописный документ астрологического содержания (календарь). ВДИ, 1938, № 2 (3), стр. 34—49.

¹ А. Ю. Якубовский. Живопись древнего Пянджикента. Изв. АН СССР, сер. ист. и филос., т. VII, № 5, 1950.

² E. Chavannes, ук. соч., прим. к стр. 132 на стр. 133.

³ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в давние времена, т. II, М.—Л., 1950, стр. 272.

(во втором случае сказано: «во дворце») есть храм предков, в котором приносят жертвы в шестой луне.¹ Именно характер такого храма предков, являющегося одновременно и храмом «небесного отрока», имел, вероятно, и раскопанный экспедицией пняджикентский храм. Кстати, шестая луна, в которую, по китайским данным, приносились жертвы в храме предков, есть не что иное, как время наступления по согдийскому календарю нового года, ибо в том же сообщении Вэй-цзе значится: «Они (согдийцы) сделали первый день шестой луны началом года».² Между прочим, новый год в Персии (Бо-сы), т. е. новый год зороастрийского календаря, по сведениям «Истории Северных дворов», также «начинают с шестой луны».³

Очевидно и праздник оплакивания «небесного отрока» следует относить к рубежу нового года, т. е. ко времени наступления весны. Иными словами, оплакивание «небесного отрока», плач по умершим предкам и приношение им жертвенной пищи есть всего лишь различные стороны одного и того же праздника, точнее, праздничного цикла.

В свете отмеченного выше проявления культа предков не только в плаче по ним, но и в приношении им — по китайским данным жертвы, а по ал-Бируни жертвенной пищи (причем, как указано у него, «в наусы»), — становится ясным и факт находок в пняджикентских наусах фрагментов керамических сосудов и овечьих костей. Приношения эти также увязываются с тем же культом природы, в частности с земледельческим его вариантом, являясь как бы аналогией весеннему севу, в представлении древних земледельцев служившему приношением пищи природе, истощившей свои силы за длинный зимний период.⁴

Но если моменты оплакивания мертвых и приношения пищи их душам имеют повсе-

местное распространение, то отмеченные ранее основные черты согдийского погребального обряда, — такие, как отделение мяса от костей и помещение последних в оссуарии, равно как особенности устройства и хранения их, — могут быть объяснены лишь на почве одного круга религиозных представлений, круга определенного и географически ограниченного.

Прежде чем перейти к анализу погребального обряда, связанного, как мы увидим, с этим кругом религиозных представлений, следует остановиться на той терминологии, которой мы далее будем пользоваться. Мы имеем в виду употребление терминов «зороастризм» и «маздеизм». В данной работе под зороастризмом понимается канонизированная религиозная система сасанидского Ирана с выработанными догматическими обрядовыми положениями. Под маздеизмом же в данной работе подразумевается круг древнеиранских языческих культов и верований, родственных, но не тождественных догматическому зороастризму, ибо часть этих культов легла в основу зороастризма, а другая часть продолжала существовать наряду с ним.

Уже первый исследователь, обративший внимание на фрагменты оссуариев и выдвинувший гипотезу об их погребальном характере, — Н. И. Веселовский — высказал предположение о принадлежности их местным «огнепоклонникам».

Работами К. А. Иностранцева под данную гипотезу была подведена прочная фактическая база, и связь оссуариев с погребальным обрядом, известным из зороастрийских религиозных текстов, с тех пор стала общепризнанной.

Новый материал, полученный в ходе полевых археологических изысканий, позволяет вновь вернуться к этому вопросу и несколько дополнить выводы предыдущих исследователей.

Как отмечалось выше, одним из основных элементов рассматриваемого обряда является отделение мяса от костей покойного. Обычай этот как будто бы находит аналогию в подобном же обряде Тибета и Монголии, где покойника выбрасывают на съедение собакам.¹ Последний обряд, однако, связан с верой в переселение душ,

¹ Н. Я. Бичурин, ук. соч., стр. 281.

² E. Chavannes, ук. соч., прим. 5 к стр. 132 на стр. 133.

³ Н. Я. Бичурин, ук. соч., стр. 262.

⁴ См. объяснение анфестерий в работе Ф. Ф. Зелинского «Древнегреческая религия» (1918, Пгр., стр. 80, ср. стр. 39, 109, 110) и вопрос об элевсинских таинствах и мифе о Коре (там же, стр. 106—107). Ср. также SBE, т. XXIII, стр. 192, прим. переводе переводчика яшт.

¹ К. А. Иностранцев. О древнеиранских погребальных обычаях и постройках, стр. 103.

в соответствии с чем кости покойника не служат объектами хранения и остаются лежать в поле, там, где происходила процедура «переселения».¹

Согдийский обряд отличается от описанного здесь заботой о костных останках и связан, очевидно, с другими представлениями, отраженными в зороастрийской литературе.

Оставляя в стороне вопрос о времени и месте первоначального составления Авесты, мы будем рассматривать интересные нас ее положения в качестве догматических, бытовавших в сасанидском Иране, в котором она была окончательно кодифицирована и играла роль основного религиозно-догматического сочинения.

Сборник религиозных законов и мифических рассказов — Вендидад, входящий в состав Авесты как одна из ее частей, категорически осуждает погребение и сжигание трупов.² Подобный же взгляд на погребение и сжигание трупов существует и в пехлевийских текстах, т. е. религиозных сочинениях, написанных в Иране в конце правления Сасанидов и в первые века ислама.³ Отделение же мяса от костей покойника неоднократно рекомендуется. Так, в 5-м фаргарде Вендидада верующим наказывается держать мертвеца на особом сооружении — дахме — «до тех пор, пока птицы не объедят труп».⁴ В данном случае трактуется, однако, лишь частный случай (речь идет о том, что делать с трупом человека, умершего в период осенних дождей). Общее же правило обращения с трупом трактуется в 6-м фаргарде, где, отвечая на вопрос: «Куда нести и куда положить тела мертвых», — от имени Ахурамазды повелевается: «На самые высокие места, Спитама-Заратуштра, чтобы его

(тело, — Б. С.) как можно скорее заметили пожирающие падаль собаки и птицы»,¹ после чего речь идет уже о том, что делать с костями покойника. В 8-м фаргарде, где также трактуется подобный случай (человек или собака умирают в период дождей, снега и тьмы), вновь отмечается, что труп следует нести в дахму, построенную «на месте, о котором известно, что там всегда находятся поедающие трупы собаки и птицы».² Поедание трупа птиц рассматривается как обычное и в 1-м параграфе 5-го фаргарда.³

Таковы же предписания, разбросанные в пехлевийских текстах. Так, в Дадистани-Диник на вопрос (17-й), «лучше ли давать их (трупы, — Б. С.) птицам, или имеется способ более хороший», отвечается, что «следует сразу же нести труп на холмы и возвышенные места», где «поедающие труп птицы съедят мягкие части трупа».⁴ Вопросы, связанные с отделением мяса от костей, разбираются также в 14-м и 16-м параграфах этого сочинения.⁵

В Меноке Храд человеку напоминает, что «в конце концов к тебе придет смерть; собаки и птицы растерзают твой труп и бранные части (в одной из рукописей значится «кости», — Б. С.) упадут на землю».⁶

Об этом же упоминается в Сад Даре.⁷ О расчленении трупов птицами и собаками сказано и в 9-й книге Динкарда при изложении содержания 14-го фаргарда 1-го (судкар) наска.⁸

Подобный же метод, наконец, практикуется и современными последователями зороастризма — парсами Индии.⁹

Процедура отделения мягких покровов от костей покойника объясняется зороастрийскими текстами как прием для избежания осквернения разлагающимися трупными

¹ Н. М. Пржевальский. 1) Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки. М., 1948, стр. 214; 2) От Хяты на истоки Желтой реки. Исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-Нор к бассейну Тарима. М., 1948, стр. 29; 3) Монголия и страна тангутов. М., 1946, стр. 83, 84. — А. В. Потанин. Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю. М., 1895, стр. 79—134.

² SBE, т. IV, стр. 8, 9, 24, 25, 32, 110—112; т. XXXVII, стр. 159, 160.

³ SBE, т. V, стр. 204, 361; т. XXIV, стр. 294, 295; т. XXXVII, стр. 108; Arda Viraf Namak. Bombay — London, 1872 (в дальнейшем AV), стр. 312.

⁴ SBE, т. IV, стр. 52, 53.

¹ ДМПП, Восток, т. I, М., 1915, стр. 156; ср. SBE, т. IV, стр. 73.

² SBE, т. IV, стр. 96 (Vendidad, VIII, 10).

³ SBE, т. IV, стр. 49 (Vendidad, V, 1).

⁴ SBE, т. XVIII, стр. 43.

⁵ SBE, т. XVIII, стр. 34—42.

⁶ SBE, т. XXIV, стр. 116.

⁷ SBE, т. XXIV, стр. 329.

⁸ SBE, т. XXXVII, стр. 200.

⁹ J. J. Modi: 1) The Funeral Ceremonies of the Parsees. Бомбей, 2-е изд., 1905; 2) The Religious Ceremonies and Customs of the Parsees, т. III и X. Бомбей, 1922; 3) Astodan, or a Persian. Бомбей, 1889.

останками священных веществ: земли, огня и воды.¹

Характерно, что люди, занимающиеся переноской трупов, должны были обмыться особой жидкостью.² В связи с последним сообщением известный интерес представляют и сведения китайской «Истории Северных дворов» об особом сословии людей в Персии (Бо-сы), занимающихся погребением умерших и считающихся нечистыми. Живут эти люди отдельно, «вне резиденции».³ Напомню, что в цитированном выше сообщении Вэй-цзе о Согде люди, занимающиеся погребением мертвых, также живут «вне главного города».

Если перейти ко второму, собственно основному моменту рассматриваемого погребального обряда — хранению костей в оссуариях, то оказывается, что и он полностью соответствует зороастрийским предписаниям.

Хранение костей трактуется как заповедь в 6-м фаргарде Вендидада, где вслед за рассмотренным выше отрывком, разбирающим вопрос об отделении мяса от костей, идет речь о том, «куда надлежит... нести кости мертвого человека, куда положить их», и рекомендуется построить, «если поклонники Мазды могут», для этой цели «возвышенную могилу... из камня или извести».⁴

В 17-м же вопросе Дадистани-Диник значится, что «людям следует должным образом унести кости в костехранилище (astodano), которое так возвышается над землей и на котором так помещается крышка, что нет пути ни дождю упасть на мертвые останки, ни воде попасть внутрь их, ни туману забраться внутрь их, ни собаке или лисе добраться до них; и (в котором) сделано отверстие для проникновения к ним света» (далее речь идет о служащем костехранилищем каменном склепе).⁵

¹ SBE, т. IV, стр. 26, 49, 66—70, 73, 80, 81, 91, 92; т. V, стр. 204, 254, 255, 273—276, 310, 361; т. XVIII, стр. 43; т. XXIV, стр. 272, 273, 335—337, 354, 355; т. XXXVII, стр. 49, 90, 93, 143, 151, 157—159; т. XLVIII, стр. 168; AV, стр. 177, 178, 250, 251; ДМПП, стр. 156.

² SBE, т. IV, стр. 96.

³ Н. Я. Бичурин, ук. соч., стр. 262.

⁴ ДМПП, стр. 156. В последнем случае вместо «возвышенная могила» дается перевод: «Здание из камней, извести и земли»; ср. также: SBE, т. XXXVII, стр. 157.

⁵ SBE, т. XVIII, стр. 33, 34.

Как это доказал еще Модь,¹ хранение костей объяснялось верованием зороастрийцев в грядущее воскрешение мертвых.

О воскрешении в Авесте говорится неоднократно,² упоминания же о нем в пехлевийских текстах еще более многочисленны,³ причем мыслилось оно как дело рук последнего пророка Саошьянта, производящего воскрешение мертвых из их костей, почему этот пророк имеет и второе имя — Астват Эрета — «тот, кто воскресит владельцев костей».⁴

Описание же костехранилища-астодана в тексте Дадистани-Диник, приведенном выше, как предмета с крышкой и отверстием для проникновения света, является не чем иным, как описанием оссуариев, характерных и для Согды.⁵

Существование наусов, равно как и их конструкция, вполне объясняются с позиций зороастрийских трактатов. Так, именно о наусе (а не о дахме, как ошибочно считали некоторые комментаторы Авесты),⁶ говорится в отрывке из 6-го фаргарда Вендидада, ибо там особо отмечается, что речь идет о костехранилище, и только о костехранилище (место же, где должны быть выставлены трупы, в данном отрывке определено как «самые высокие вершины» или «вершины гор»). Размеры наусов совпадают с размерами описанного в 5-м фаргарде Вендидада помещения для мертвых («достаточно велико, чтобы человек не стукнулся головой или ногами, если он встанет, вытянет ноги и расставит руки»),⁷ а лаз делался на восток согласно предпи-

¹ J. J. Modi. Astodan..., стр. 14, 15.

² SBE, т. XXIII, стр. 290—292, 306, 307; т. XXI, стр. 391.

³ Так, в «Dina-i Mainog-i Khirad» оно упоминается 7 раз, в 7-й книге «Dinkard» — 8 раз, а в книге 9-й — 20 раз.

⁴ J. J. Modi. Astodan..., стр. 14, 15; ср.: SBE, т. XVIII, стр. 128, 129.

⁵ Знаменателен в связи с этим предписанием и тот факт, что исполняющие функции оссуариев сосуды мадеистского могильника Фринкента, бытовавшего уже в период господства ислама, были преднамеренно пробиты и имели крышки (их роль исполняли либо выбитые днища сосудов, либо обожженные кирпичи, либо обломки сосудов, которые были поставлены здесь раньше и успели разрушиться). См.: Г. В. Григорьев. Зороастрийское костехранилище в кишлаке Фринкент под Самаркандом. ВДИ, 1939, № 2 (7), стр. 147.

⁶ ДМПП, стр. 156, прим. 2; SBE, т. IV, стр. 73, прим. 3 и 4.

⁷ SBE, т. IV, стр. 51.

санию, по которому покойник должен быть обращен лицом к солнцу,¹ что соответствует древним языческим культам солнца.

Характерно, что в так называемом «наусе 2», вход был обращен на север, являющийся, по зороастрийским представлениям, местностью Ангро-Майнью и всего им сотворенного, в том числе и демона гниения и разложения — Насу, равно как и ада.²

Таким образом, есть все основания утверждать, что погребальный обряд Согда VII—VIII вв. н. э. в какой-то мере близок зороастрийскому погребальному обряду. Близок, но не идентичен с ним, ибо некоторые его особенности не только не объясняются с позиций зороастризма, но и прямо им противоположны. Мы имеем в виду два момента согдийского погребального обряда: оплакивание покойников и моменты идолопоклонства. И первое и второе широко распространены в Согде VII—VIII вв. н. э. Об оплакивании уже говорилось выше. Об идолопоклонстве же достаточно свидетельствуют и мусульманские и китайские источники,³ о нем же, кроме того, говорят и находки остатков идолов в уже упомянутом нами пянджикентском храме, и многочисленные находки культовых терракотовых статуэток на Афрасиабе и в Тали-Барзу. О нем же, возможно, свидетельствуют изображения божеств на оссуариях, в частности изображение богини круга Анахит на найденной в наусе 4 сферической оссуарной крышке.

Между тем, и оплакивание покойников, и идолопоклонство категорически запрещаются зороастрийскими текстами. Так, в 7-й книге Динкарда говорится, что «совершающий оплакивание душ... достоин смерти».⁴ Там же значится, что «гибель среди скота и осквернение духа радости происходят от вселения оплакивания (мертвых) в страны Ирана».⁵ Оплакивание покойников упоминается в этой книге еще два

раза, причем в первый раз среди перечня таких деяний, как «неисполнение религиозного ритуала», «порочность» и т. п.,¹ а второй — как совершаемое демоно- или идолопоклонниками.²

В 9-й книге Динкарда при изложении 11-го фаргарда 1-го (Судкар) наска дается предостережение «не совершать оплакивания умерших и после смерти благочестивого не увеличивать страданий духов жизни совершением оплакивания покойника»,³ а при изложении 20-го фаргарда этого же наска как заслуга Йимы отмечается, что он «держал вдали от мира нужду и лишения, голод и жажду, разрушение и смерть, плач и оплакивание (покойников)».⁴

В Меноке Храд в перечне «несчастливых» упомянута страна, «в которой совершается оплакивание (мертвых)».⁵

Не менее интересны и сведения из 96-й главы Сад Дара: «Когда кто-нибудь уходит в другой мир, то не следует другим (т. е. родственникам, — Б. С.) издавать крики, поддерживать траур и совершать оплакивание, потому что каждая слеза, которая вытекает из глаз, становится каплей той реки, (которая находится) перед Кинвадским мостом, и душа мертвого человека остановится затем на этом месте; для нее трудно здесь перебраться и она не способна пройти по Кинвадскому мосту».⁶

Почти идентичное с последним сообщение встречается и в Арда-Вираз Намак;⁷ там же имеется и еще одно интересное для нас место — описание судьбы женщин, «которые в мире совершали много оплакиваний и били голову и лицо»; Арда-Вираз встречает их в аду с отрезанными головами и вечнокричащим языком.⁸

Зороастризм, таким образом, осуждает все те внешние проявления скорби по покойнику, которые свойственны согдийскому погребальному обряду.

Осуждение касается даже и такой мелкой черты, как упоминаемое Вэй-цзе шествие босиком; оно находит себе порицание

¹ Предположение это высказано И. А. Сухаревым. Ср. ДМПП, стр. 156 и SBE, т. IV, стр. 51, 52, 74.

² SBE, т. IV, стр. 75, 76, 110, 126, 127, 138, 144, 204. — AV, стр. 166, 167, 315. — SBE, т. V, стр. 318, 346, 370; т. XLVII, стр. 58 и 72.

³ См.: К. А. Иностранцев. К истории до-мусульманской культуры Средней Азии. ЗВО, т. XXIV, 1917, стр. 136, 137.

⁴ SBE, т. XLVII, стр. 54, 55; ср.: SBE, т. XXXVII, стр. 379.

⁵ SBE, т. XLVII, стр. 95.

¹ SBE, т. XLVII, стр. 96.

² SBE, т. XLVII, стр. 102. В данном случае, однако, перевод вызывает сомнения.

³ SBE, т. XXXVII, стр. 193.

⁴ SBE, т. XXXVII, стр. 212.

⁵ SBE, т. XXIV, стр. 29.

⁶ SBE, т. XXIV, стр. 358, 359. О Кинвадском мосте речь еще будет идти ниже.

⁷ AV, стр. 165, 166.

⁸ AV, стр. 185.

в Меноке Храд, где подобный поступок расценивается как могущий принести горестную беду душе его совершителя.¹

Не менее решительно осуждается зороастрийской канонической литературой и идолопоклонство. Так, в яште XXII наряду с благочестивыми поступками отмечаются и осуждаемые, например поступок человека, «осмеивающего (святые мысли) и совершающего идолопоклонство»,² а в яште XI говорится, что Заратуштра нападает «на идолопоклонников и воров и дэвов, нахлынувших сообща».³

Таково же отношение к идолопоклонству и в пехлевийских текстах. Так, в Арда-Вираз Намак описана сцена расставания двух супругов: муж идет в рай, жена же за поклонение идолам обречена на муки ада.⁴

В упомянутом уже перечне «несчастливых» стран в Меноке Храд значится «четвертая, в которой воздвигается храм идолам»,⁵ а в перечне «наиболее отвратительных грехов» — поклонение идолу.⁶ Идолопоклонство значится и в перечне «противных дел» в Хадохт Наске.⁷

Идолопоклонство осуждается также в 7-й, 8-й и 9-й книгах Динкарда⁸ и в Шайаст на шайаст.⁹ Не всегда, правда, ясно, кто подразумевается под термином «идолопоклонник», — известны, например, случаи приложения этого наименования к христианам, но несомненно, что с точки зрения зороастризма как идолопоклонники могли рассматриваться и согдийцы.

Оба отмеченные выше момента, противоречащие как будто бы зороастрийским догмам, не противоречат, однако, маздеистским представлениям, ибо культ предков, равно как и культ умирающей и воскресающей природы, с которым связано оплакивание покойников, не только присущи языческим верованиям вообще, но отражены и в зороастризме.¹⁰ Божества,

почитаемые согдийскими «идолопоклонниками», как это можно видеть по их идолам и календарю, были божествами авестийского круга.

Погребальный обряд Согда VII—VIII вв. н. э. предстает, таким образом, как маздеистский, отличающийся от канонического зороастрийского погребального обряда большим сохранением языческих элементов.¹

Любой погребальный обряд важен для нас, однако, не только по своему проявлению и не столько в силу сходства или различия его с обрядом какой-либо известной религиозной системы, сколько в силу отражения в нем идеологических (а частично и социальных) основ, на которых зиждется породившее этот обряд общество. Так, некоторые черты религиозных воззрений согдийского общества VII—VIII вв. можно выявить на основании рассмотренного выше оссуарного погребального обряда.

Судя по религиозным текстам,² смерть человека рассматривалась зороастрийцами как отделение души от тела; душа в течение трех суток после смерти помещается возле трупа, а на заре четвертого дня призывается держать ответ за все свои земные деяния. Ответ этот («отчет души» — по терминологии зороастрийской литературы) держит она перед божеством справедливости Рашну, который на золотых весах «абсолютной точности» взвешивает ее добродетели и пороки.

стр. 264, 273—275, 298—300; т. XXXIII, стр. 17 сл. Как божество же умирающей и воскресающей природы объясняется и образ Сиявуша [С. П. Толстов: 1) Древний Хорезм, стр. 202 сл.; 2) По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, стр. 83 сл.].

¹ Обычно термины «маздеизм» и «зороастризм» рассматриваются как синонимы, однако противопоставление этих понятий также имеет уже место; см.: В. В. Струве. Восстание в Маргиане при Дарии I. Матер. ЮТАКЭ, в. I, Ашхабад, 1949, стр. 27.

² Основные указания: SBE, т. XXI, стр. 140—141 (Гаты — Jasna, XVI, 11), 261 (Jasna, XIX, 6), 330, 331 (Jasna, XXI, 16); т. IV, стр. 212 сл. (Jasna, XIX, 27 сл.); т. XXIII, стр. 314 сл. (Jasna, XXII), 340 сл. (Jasna, XXIV, 53 сл.). — AV, стр. 154—159 (IV—X), 166 сл. (XVII), 309—315 (Appendix II — Hadoukht Nask II). — SBE, т. V, стр. 382 (Shayast na shayast, XII, 3); 120 сл. (Bundahisn, XXX); т. XVIII, стр. 33 (Dadistan-i Dinik, XIV, 4), 46—49 (то же, XX—XXXI), 53—56 (то же, XXXIV—XXXV), 64 (то же, XXI, 4), 71 сл. (то же, XXXII); 76 (то же, XXXIV); т. XXIV, стр. 12 (Dina-i Mainog-i Khirad, II, 41), 16—23 (то же, II, 114—166), 297 (Sad-dar, XXXVI, 5, 6), 278 (то же, XVIII), 25 (то же, I); т. XVII, стр. 210 (Dinkard, 9, XX, 3—4).

¹ SBE, т. XXIV, стр. 11.

² SBE, т. XXIII, стр. 316.

³ SBE, т. XXIII, стр. 161.

⁴ AV, стр. 190.

⁵ SBE, т. XLVII, стр. 312.

⁶ SBE, т. XLVII, стр. 8, 14, 67, 95; т. XXXVII, стр. 108 (ср. стр. 151), стр. 256.

⁷ SBE, т. V, стр. 309.

⁸ SBE, т. V, стр. 209.

⁹ SBE, т. XXIII, прим. 6 к стр. 161.

¹⁰ О культе предков свидетельствует Фравардин яшт (SBE, т. XXII, стр. 179—193). См. также: SBE, т. XXXI, стр. 279, 381; т. XVIII, стр. 241, 242; т. XXIV,

Через Чинватский (Кинватский или Кинвадский)¹ мост, созданный самим творцом, благочестивая душа с помощью посланца Ахурамазды Сраоша попадает на небеса, где помещается рай — обитель богов и благочестивых (первоначально предполагалось, что помощь душе человека при переходе через Чинватский мост оказывала его собственная совесть, персонифицированная в образе девушки; само имя «Сраоша» — «Благочестие» указывает, что в лице этого божества мы имеем не более чем дальнейшую эволюцию этого же представления).

Чинватский мост, широкий, как длина девяти копий, становится, однако, тоньше волоса, тоньше лезвия, чуть только на него ступает душа грешника, которая и низвергается головой вниз, в ад — обитель греха и зла. Особое «место вечного стояния» существует и для душ тех людей, чьи добродетели и пороки оказываются равными.

Через определенное время наступает, однако, срок, когда последний пророк («сын Заратуштры») — Саошьянт — разрушит и рай, и ад, и «место вечного стояния», и Чинватский мост, и воскресит мертвых.

Эти представления о смерти и будущности человека после смерти характерны были и для древних согдийцев. Об этом свидетельствуют основные моменты согдийского погребального обряда (не только отделение мяса от костей, но и сохранение последних), тождественные с предписываемыми зороастрийской литературой.

Об этом же свидетельствует и сцена суда на одном из опубликованных А. А. Потаповым согдийских оссуариев Ташкентского музея,² и наличие в пянджикентской храмовой живописи изображений низвергающихся вниз головой фигур грешников.³

Однако как маздеистский погребальный обряд не был абсолютно тождествен зороастрийскому погребальному обряду, так и представления согдийцев о загробном мире не были тождественны представлениям ортодоксального зороастризма.

Как отмечалось выше, языческий культ

природы в Согде проявлялся заметно сильнее, чем в сасанидском зороастризме, а обряды оплакивания покойников и приношения пищи их душам говорят о том, что вера в загробный рай сосуществовала у согдийцев с другими более древними верованиями.

Вспомним, однако, что в сасанидском Иране также существовал обычай приношения пищи умершим предкам,¹ который может быть объяснен только тем, что загробное бытие душ предков представлялось и персам не совсем так, как этого требовали зороастрийские догмы. Поэтому очень вероятно, что различия между народными представлениями Ирана и Средней Азии не следует особенно преувеличивать.

Необходимо отметить и еще одну особенность рассматриваемого погребального обряда — находки в наусах Пянджикента и Кафыр-Калы медных согдийских монет. Возможно, что монеты эти приносились в дар Сраоше за его помощь душе покойника при переходе через Чинватский мост.

Погребальные памятники прежде всего, конечно, являются вещественным отражением религиозных взглядов породившего их общества, но в известной мере они запечатлели и отношения, господствовавшие между людьми данного общества. Небольшие размеры наусов, которые хотя и были рассчитаны на использование в течение длительного времени, могли вместить очень ограниченное число погребений, равно как и факт захоронения в одном и том же наусе мужчин, женщин, стариков и детей,² свидетельствуют о том, что каждый отдельный наус следует рассматривать в качестве семейной усыпальницы. Вынесенные за пределы населенных пунктов цепочки согдийских наусов отражают лишь генеалогическую связь между обособившимися уже семьями. А это свидетельствует о том, что в Согде VII—VIII вв. процесс распада большесемейной общины и изживание пережиточных идеологических представлений протекал активно, что общественная жизнь

¹ Встречаются и иные написания (Кинварский мост), и условные названия (мост суда, мост справедливости и т. п.).

² А. А. Потапов, ук. соч., стр. 130, рис. 3.

³ А. Ю. Якубовский. Живопись древнего Пянджикента, стр. 487.

¹ Ал-Бируни, текст — стр. 224; перевод — стр. 210. Это же сообщение ал-Бируни повторяет и Захария Казвини. См.: Zakarija Ben Muhammed Ben Mahmud al-Cazwini's kosmographie, herausgegeben von F. Wüstenfeld, ч. I, Геттинген, 1849, стр. 82.

² Возраст и пол погребенных установлены в результате исследования антропологического материала из наусов Пянджикента В. В. Гинзбургом.

в Согде в период, предшествующий арабскому завоеванию, развивалась весьма интенсивно.

Для изучения Согды VII—VIII вв. интересны результаты исследования В. В. Гинзбургом добытого ТАЭ антропологического материала. Анализ происходящих из наусов древнего Пянджикента черепов приводит к выводу о чрезвычайной смешанности населения этого согдийского города, причем колебания различных расовых признаков наблюдаются как между различными семьями, так и внутри отдельной семьи, погребенной в одном и том же наусе. Ценные результаты проведенных М. М. Герасимовым опытов восстановления лица по черепу дают основания полагать, что в скором времени представится возможность увидеть воссозданными вновь и лица жителей древнего Пянджикента.

Рассматриваемые нами погребальные сооружения представляют известный интерес и для истории среднеазиатского зодчества.

Новые данные о памятниках такого рода позволяют, как нам кажется, внести некоторые коррективы и добавления в ряд выводов предшествующих исследований и в этой области.

Ввиду отсутствия в печати достаточных сведений о наусах исследователи истории архитектуры могли из числа рассматриваемых нами погребальных памятников использовать в своих работах только оссуарии. Следует отметить, что для архитектурного анализа последние использовались двояко: во-первых, изображения на некоторых оссуариях расценивали как «передачу с натуры архитектурных форм», во-вторых, по форме самих оссуариев определяли форму жилья, характерную для того или иного района.

Изображения на оссуариях действительно передают некоторые архитектурные детали,¹ по поводу же вопроса о воплощении в оссуариях формы самого жилища невольно напрашивается ряд соображений.

Такое решение вопроса о форме оссуариев впервые, как известно, было предложено В. В. Бартольд, который в одном из частных писем высказал мысль, что овальные оссуарии, найденные в 1894 г. на земле Рахматулло Латыфбаева под Ташкентом и опубликованные в «Протоколах» ТКЛА за 1-й год его деятельности, «представляют подражание юртам и, следовательно, принадлежат кочевому или полукочевому народу».¹

Надо отметить, что В. В. Бартольд высказал эту мысль только как предположение, основываясь на первом впечатлении, создаваемом формой овальных оссуариев (первоначально даже лишь на неудовлетворительном воспроизведении этих памятников в ПТКЛА). Предположение исследователя подкреплялось тем обстоятельством, что овальные оссуарии происходили в основном из районов среднеазиатского северо-востока, в силу чего их и связывали с кочевниками, в отличие от прямоугольных оссуариев, находимых большей частью в долине Зарафшана и связываемых поэтому с оседлыми земледельцами.² Подобная точка зрения, высказанная В. В. Бартольдом в качестве гипотезы, становилась все более популярной в работах многих историков Средней Азии и в конце концов стала считаться прочно установленным фактом, хотя новых данных, подтверждающих ее, представлено не было.³ В последнее время, правда, высказывались сомнения по вопросу о связи формы оссуариев и жилища.⁴ Раскопки пянджикентского и кафыркалинского могильников, на наш взгляд, эти сомнения подкрепляют еще больше.

Ни один из оссуариев Пянджикента (равно как и Кафыр-Калы) не имеет формы прямоугольного ящичка, признающей до сих пор типичной для долины Зарафшана

¹ Известия Русского комитета по изучению Средней и Центральной Азии, № 8, март 1908 г., стр. 54, 55.

² Там же, стр. 66, 67.

³ Исключение составляет А. Н. Бернштам. Однако приводимый им материал может быть интерпретирован и против его выводов. См. статью Г. А. Пугаченковой в «Материалах ЮТАКЭ» (в. I, Ашхабад, 1949, стр. 62).

⁴ В. Л. Воронина. К вопросу об изучении доарабского зодчества Средней Азии. Сообщ. Инст. ист. и теор. архитект., вып. 8, М., 1947, стр. 35, 36. — Г. А. Пугаченкова. Элементы согдийской архитектуры... стр. 60 сл.

¹ В этой связи особенно ценна работа Г. А. Пугаченковой «Элементы согдийской архитектуры на среднеазиатских терракотах» (Матер. по археолог. Узбекистана, т. II, Ташкент, 1950, стр. 8 сл.).

и отражающей якобы прямоугольную форму жилищ ее оседлого населения. Все оссуарии из наусов Пянджикента (и Кафыр-Калы) имеют округлую или попросту овальную форму, причем генетическая связь этих двух типов отчетливо видна и обусловлена не различиями в форме жилищ их создателей, а удобствами их изготовления; все они лепились от руки в отличие от большинства прямоугольных (в том числе и знаменитых биянайманских) оссуариев, которые изготовлялись путем оттискивания отдельных стенок, лишь затем скреплявшихся между собой.

В связи с этим вопросом хочется напомнить, что древнейшие оссуарии Анау и Хорезма, к которым восходят и оссуарии Согда, Шаша и Семиречья, а также западной части Ирана, где они появляются лишь после прихода туда парфян, представляли собой боченкообразные костехранилища. Форму эту вряд ли удастся прямо вывести из реальных жилищ той эпохи.¹

Тот факт, что оба известных пока согдийских могильника VII—VIII вв. — пянджикентский и кафыркалинский — представлены оссуариями округлого и овального типа, заставляет предполагать, что различия в их форме — явление не территориального, а скорее хронологического порядка, тем более что находки прямоугольных оссуариев неоднократно имели место и на среднеазиатском северо-востоке. Если принять эту гипотезу, то изготовленные от руки овальные оссуарии следует признать характерными для второй половины VII и для VIII в. вне зависимости от того, найдены ли они

в Согде, Шаше или Семиречье, а прямоугольные оссуарии этих районов отнести к более ранней эпохе, вероятнее всего к V, VI и началу VII в.

Новый материал для истории среднеазиатского зодчества дает вскрытие ТАЭ особых погребальных склепов-наусов. Помимо материала по истории строительной техники, пянджикентские наусы проливают новый свет и на происхождение такого столь обычного для мусульманской Средней Азии явления, как сооружение над могилами особо почитаемых лиц специальных мавзолеев. Как известно, происхождение этого обычая историки архитектуры ставили в связь с распространением в Средней Азии мусульманства.¹ Семейный маздеистский погребальный склеп существенно, конечно, отличается от мавзолея какого-нибудь мусульманского святого, но возможность генетической функциональной связи между ними вряд ли кто-нибудь сможет отрицать, тем более что первый по времени (и по занимаемому им месту в среднеазиатской архитектуре) мавзолей мусульманской Средней Азии, носящий имя Исмала Самани, был построен как фамильная усыпальница.²

После вскрытия наусов Пянджикента и Кафыр-Калы вряд ли мы можем сомневаться в том, что возведение мавзолеев в Средней Азии имеет древнюю местную традицию.

¹ В полевой сезон 1950 г. Хорезмийская экспедиция в одной из башен Кой-Крылган-Кала, датируемой С. П. Толстовым серединой I тысячелетия до н. э., открыла «оссуарии нового необычного типа, увенчанные пустотелыми скульптурными изображениями людей из обожженной глины» (Изв. АН СССР, сер. ист. и филос., т. VII, 1950, № 6, стр. 578). Форма этих ранних оссуариев также навряд ли характерна для обычных жилищ древнего Хорезма.

¹ Б. Н. Засыпкин. Архитектура Средней Азии. М., 1948, стр. 33.

² Г. А. Пугаченкова в своей интересной работе «К проблеме возникновения „шатровых мавзолеев“ Хорасана» (Матер. ЮТАКЭ, вып. I, Ашхабад, 1949, стр. 59) пишет, что «все эти постройки (т. е. «наусы») ничего общего с башенными мавзолеем не имеют». Думается, однако, что автор, полемизируя с Саладеном, имел здесь в виду лишь чисто архитектурную сторону вопроса.

ТАБЛИЦА 2

Основные данные обмеров наусов пяджикентского некрополя (в м)

№№ наусов	Стены	Длина стен	Толщина стен	Максималь- ная высота сохранив- шихся стен	Размеры входного проема		Ширина нишек		Размеры кирпича
					высота	ширина	правой	левой	
1	Восточная	2.8	1.1	1.75	1	1	0.2	0.3	$0.5 \times 0.27 \times 0.1$
	Западная	2.7	1.2	—					
	Северная	2.9	1.1	1.85					
	Южная	2.8	1.2						
3	Восточная	1.8	1.1	0.95	—	0.72	0.22	0.26	$0.5 \times 0.26 \times 0.1$
	Западная	1.9	1.1	0.57					
	Северная	2	1.1	0.95					
	Южная	1.9	1.1	0.74					
4	Восточная	2.1	1.4	1.5	0.86	0.65	0.24	0.2	$0.5 \times 0.25 \times 0.1$
	Западная	2.08	1.35	1.4					
	Северная	2.08	1.1	1.6					
	Южная	2.1	1.15	1.3					
5	Восточная	2	1	1.2	0.86	0.58	0.3	0.3	$0.5 \times 0.26 \times 0.1$
	Западная	2.15	1	1.2					
	Северная	1.98	1	1					
	Южная	1.96	1	1.3					
6	Северо-восточная	2.6	около 2	1.68	0.79	0.9	0.3	0.3	$0.46 \times 0.24 \times 0.1$
	Юго-западная . .	2.6		1.55					
	Северо-западная	1.85		—					
	Юго-восточная .	1.85		1.55					
7	Северо-восточная	1.22	1	1	—	0.7	Нет	Нет	$0.5 \times 0.25 \times 0.1$
	Юго-западная . .	1.22	1.3	0.9					
	Северо-западная	2.05	1.3	0.9					
	Юго-восточная .	2.05	1.3	0.8					
8	Северо-восточная	2.64	0.9	1.25	—	0.6	Нет	Нет	$0.5 \times 0.25 \times 0.1$
	Юго-западная . .	2.7	0.95	0.9					
	Северо-западная	1.9	—	0.8					
	Юго-восточная .	1.85	—	0.7					
9	Северо-восточная	1.95	—	0.88	—	0.7	0.2	0.2	$0.5 \times 0.25 \times 0.1$
	Юго-западная . .	1.9	—	0.95					
	Северо-западная	1.7	—	0.95					
	Юго-восточная .	1.7	1.2	0.75					
10	Северо-восточная	2	0.9	1.1	0.8	0.55	Нет	Нет	$0.5 \times 0.25 \times 0.1$
	Юго-западная . .	2	—	1.2					
	Северо-западная	2	—	1.3					
	Юго-восточная .	1.9	0.8	1.2					

ТАБЛИЦА 2 (продолжение)

№№ наусов	Стены	Длина стен	Толщина стен	Максималь- ная высота сохранив- шихся стен	Размеры входного проема		Ширина нишек		Размеры кирпича
					высота	ширина	правой	левой	
11	Восточная	1.8	1.4	—1.65	—	0.6	Нет	Нет	0.5 × 0.25 × 0.1
	Западная	1.8	2	—1.50					
	Северная	1.5	1.4	—1.8					
	Южная	1.5	1.4	—1.70					
12	Восточная	1.45	0.9	0.85	0.9	0.6	0.25		0.5 × 0.25 × 0.1
	Западная	1.45	0.9	0.8					
	Северная	1.40	0.9	0.9					
	Южная	1.35	0.9	0.8					
13	Восточная	1.45	1	0.85	—	0.7	Нет	Нет	
	Западная	1.45	1	0.85					
	Северная	2.55	1	0.85					
	Южная	2.55	1	0.85					
14	Восточная	1.84	—	0.5	—	0.6	—	—	0.5 × 0.25 × 0.1
	Западная	1.82		1					
	Северная	1.47		0.8					
	Южная	1.5		0.5					
15	Восточная	1.66	—	0.95	—	0.55	Нет	Нет	0.5 × 0.25 × 0.1
	Западная	1.65	—	0.85					
	Северная	1.2	0.9	0.95					
	Южная		0.58						
16	Восточная	2.04	1.53	1.51	0.96	0.77	0.33	0.15	0.47×0.25×0.12 0.52×0.25×0.125
	Западная	2.15	0.75	1.58					
	Северная	2.4	1.2	1.98					
	Южная	2.38	0.65	1.54					
17	Восточная	1.74	0.97	1.8	0.77	0.8	0.17	0.25	0.4 × 0.29 × 0.1
	Западная	1.87	0.8	1.17					
	Северная	2.22	1.1	1.85					
	Южная	2.15	1.07	1.45					
18	Восточная	2.12	1.2	1.62	—	0.73	1) 0.21 2) 0.30	1) 0.21 2) 0.19	0.5 × 0.25 × 0.1
	Западная	2.08	0.95	1.12					
	Северная	—	0.95	1.63					
	Южная	2.2	1.24	1.71					
19	Восточная	2.33	1	1.85	0.86	0.62	Нет	Нет	0.35 × 0.9
	Западная	2.15	0.7	1.25					
	Северная	2.14	1.02	1.74					
	Южная	2.37	0.85	1.9					
20	Восточная	2	1	1.7	0.92	0.8	0.35	0.30	—
	Западная	1.85	1.5	0.9					
	Северная	1.8	1.7	1.7					
	Южная	1.8	0.9	1.4					

ТАБЛИЦА 2 (продолжение)

№№ наусов	Стены	Длина стен	Толщина стен	Максималь- ная высота сохранив- шихся стен	Размеры входного проема		Ширина нишек		Размеры кирпича
					высота	ширина	правой	левой	
21	Восточная	2	1.4	1.3	1.04	0.71	1) 0.21 2) 0.20	0.33	0.45×0.24×0.6
	Западная	1.93	1.1	0.57					
	Северная	1.98	1.1	1.32					
	Южная	1.98	0.95	1.54					
22	Восточная	1.59	0.87	0.75	0.78	0.72	0.16	0.13	—
	Западная	1.67	1	0.7					
	Северная	1.88	0.97	1.1					
	Южная	1.9	1	0.7					
23	Восточная	3.25	1	1.91	1.14	0.85	Нет	Нет	—
	Западная	3.35	1	1.3					
	Северная	3.32	0.95	2.37					
	Южная	3.27	0.97	1.54					
24	Восточная	2.2	0.65	—	1.19	0.74	Нет	Нет	0.43×0.25×0.12
	Западная	2.2	—	—					
	Северная	2.15	—	—					
	Южная	2.2	—	—					
25	Восточная	2.12	1.17	0.85	0.96	0.80	Нет	Нет	0.53×0.26×0.1
	Западная	2.25	—	1.37					
	Северная	2.3	—	1.84					
	Южная	2.25	—	2					
26	Северо-восточная	2.71	1.05	1.55	1.16	0.84	0.26	0.25	—
	Юго-западная . .	2.56	—	1.33					
	Северо-западная	2.24	—	1.63					
	Юго-восточная .	2.29	—	1.55					
27	Северо-восточная	1.8	0.7	1.43	0.83	0.70	Нет	Нет	0.51×0.24×0.1
	Юго-западная . .	1.85	0.75	1.4					
	Северо-западная	1.87	0.8	1.35					
	Юго-восточная .	1.8	0.7	1.3					
28	Северо-восточная	1.97	1.32	1.7	—	0.62	Нет	Нет	0.51×0.27×0.12
	Юго-западная . .	1.98	1.32	1.7					
	Северо-западная	2.08	1.32	1.38					
	Юго-восточная .	2.08	1.32	1.7					
29	Восточная	1.9	0.9	1.6	0.65	0.66	0.25	0.25	—
	Западная	2	—	1.75					
	Северная	1.92	—	1.7					
	Южная	1.83	—	1.3					
30	Восточная	1.65	1.17	—	1.17	0.65	—	—	0.47×0.24×0.12
	Западная	1.65	—	—					
	Северная	1.67	—	—					
	Южная	1.67	—	—					

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

<i>Страница и столбец</i>		<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
88	Левый	1 и 2 снизу	Прим. переводе	Прим. первое
89	Правый	1 снизу	or a Persian.	or a Persian coffin.
178	Левый	5 сверху	Кштут и Магиани	Кштут и Магиан
303	Правый	22 »	В основном квартале	В основном в квартале

Труды Таджикской археологической экспедиции, т. II.